

КРУГ ЧТЕНИЯ

Сью Монк
Кидд

*Собрание
красивых*

Один из главных
мировых бестселлеров
2014 года!

Сью Кидд

Обретение крыльев

«Азбука-Аттикус»

2014

Кидд С. М.

Обретение крыльев / С. М. Кидд — «Азбука-Аттикус», 2014

Зачем человеку крылья? Может быть, для того, чтобы вознестись над суетой обыденной жизни и понять, что такое надежда и свобода. История, рассказанная в романе, развивается на протяжении тридцати пяти лет. На долю двух героинь, принадлежащих к разным социальным слоям, но связанных одной судьбой, выпадут тяжелейшие жизненные испытания: предательство, разбитые мечты, несчастная любовь. Но с юных лет героини верят, что они способны изменить мир. Они верят, что обретут крылья... Впервые на русском языке!

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сью Монк Кидд

Обретение крыльев

© И. Иванченко, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Со всей любовью посвящается Сэнди Кид

Часть первая

Ноябрь 1803 – февраль 1805

Хетти Гримке Подарочек

Давным-давно в Африке люди умели летать. Я услышала эту историю от матушки, когда мне было десять. Однажды вечером она сказала:

– Хетти, твоя бабка сама видела. Говорила, будто видела летящих над деревьями и облаками людей. Приехав сюда, мы утратили прежнюю магию.

Матушка была сама мудрость. Ее, в отличие от меня, не учили читать и писать – обучила сама жизнь, подчас немилосердная.

– Не веришь? – Она взглянула в мое недоверчивое лицо. – Тогда откуда у тебя это, девочка? – И похлопала по моим выпирающим костлявым лопаткам. – Все, что осталось от крыльев. Сейчас это лишь плоские косточки, но когда-нибудь у тебя вновь вырастут крылья.

Я не уступала матушке в уме и сообразительности. Даже в десять лет понимала, что история про летающих людей – полная чушь. Мы вовсе не особенный народ, утративший магию. Мы – рабы, которые никуда не денутся от своих цепей. Лишь позже я осознала, что она имела в виду: летать мы все-таки умели, но в этом не было никакого волшебства.

* * *

День прошел как обычно. Я кипятила постельное белье рабов на заднем дворе, следя за огнем под чаном с водой. Глаза жгло от капель щелока. Утро выдалось холодным, и солнце напоминало маленькую белую пуговицу, притороченную к небу. Летом мы поверх панталон носили домотканые хлопчатобумажные платья, а когда вдруг в ноябре или январе в Чарльстон ленивой девчонкой заявлялась зима, мы облачались в саки – платья из толстой пряжи. Старые хламы с рукавами. Моя доходила мне до лодыжек. Не знаю, сколько немых тел она прикрывала, прежде чем попасть ко мне, но запахами пропиталась всевозможными.

Утром госпожа успела разок пройти тростью по моей спине за то, что я заснула во время чтения молитв. Каждое утро все рабы, кроме старой чокнутой Розетты, набивались перед завтраком в столовую и, борясь со сном, повторяли за госпожой короткие стихи – вроде «Возрыдал Иисус» – из Библии. Еще она громким голосом молилась о смирении, столь любимом Богом. Но стоило начать клевать носом, и ты получала звонкую затрещину посреди Божеских изречений.

От обиды меня подмывало надерзить рабыне по прозвищу Тетка.

– Да минует меня чаша сия, – повторила я за госпожой и добавила: – Иисус рыдал, потому что, как и мы, оказался здесь вместе с госпожой.

Тетка была поварихой и знала госпожу с пеленок. На пару с дворецким Томфри она заправляла делами и – единственная из нас – могла, не опасаясь удара тростью, посоветовать что-то госпоже. Матушка велела держать язык за зубами, но я не слушалась, а потому Тетка лупила меня по задку по три раза на день.

Я была тот еще подарочек. Впрочем, звали меня иначе. Подарочек – «корзиночное» имя. Настоящее же давали господин и госпожа. А мать посмотрит, бывало, на чадо в корзине, и взбредет ей на ум какое-нибудь имя – то ли разглядит что-то в облике ребенка, то ли подумает о дне недели, или погоде за окном, или даже о мире в целом. Мою матушку при рожде-

нии нарекли Лето, а по-настоящему – Шарлотта. У нее был брат, которого в корзине называли Мучение. Люди думают, я все сочиняю, но это чистая правда.

Человек с «корзиночным» именем, по крайней мере, получал что-то от матери. Господин Гримке назвал меня Хетти, а матушка, взглянув впервые, подумала о том, как же быстро я родилась, и нарекла Подарочек.

В тот день, пока я помогала Тетке на заднем дворе, матушка трудилась в доме над платьем из золотистого сатина с турнюрком для госпожи. Она слыла в Чарльстоне лучшей швеей, все пальцы у нее были исколоты иглой. Вам вряд ли доводилось видеть такие наряды, которые мастерила моя матушка, и она не пользовалась готовыми выкройками, терпеть их не могла. Сама выбирала на рынке шелк и бархат и обшивала семейство Гримке – оконные шторы, стеганные халаты, кринолины, штаны из оленьей кожи, а также нарядная экипировка жокеев для Недели скачек.

Вот что я вам скажу: белые люди жили ради Недели скачек. Пикники, балы и всяческие развлечения шли бесконечной чередой. Во вторник устраивался прием у миссис Кинг, в среду – обед в жокейском клубе. В субботу гремел бал Святой Цецилии, для которого господа берегли лучшие наряды. Тетка говорила, что Чарльстон помешался на роскоши.

Госпожа была низенькой женщиной с полной талией и мешками под глазами. Она не разрешала моей матушке работать на других дам, хотя те умоляли ее, и матушка тоже, надеясь оставить себе часть жалованья. Но госпожа говорила: «Не могу допустить, чтобы ты делала что-то для них лучше, чем для нас». Вечерами матушка рвала материю на полосы для лоскутных одеял, я же одной рукой держала сальную свечу, а другой сортировала полосы по цветам. Она обожала яркие тона, находила неожиданные сочетания – фиолетовый с оранжевым, розовый с красным. А еще любила треугольники. Черные. Нашивала их почти на каждое лоскутное одеяло.

У нас были свои маленькие сокровища – деревянная шкатулка для лоскутков, мешочек для иголок и ниток и настоящий латунный наперсток. Матушка говорила, что однажды он станет моим. Когда она не работала с наперстком, я носила его на кончике пальца, словно драгоценность. Мы набивали лоскутные одеяла хлопком-сырцом и обрывками шерсти. И перьями, они лучшая набивка, и мы не пропускали на земле ни одного пера. В иные дни матушка приходила с карманами, полными гусиного пуха, надерганного из дыр в матрасах. Когда нечем было набить одеяло, мы обдирали длинные плети мха с дуба, что рос во дворе, и вшивали их между подкладкой и верхом – с клещами и прочей гадостью.

Мы с матушкой обожали возиться с лоскутными одеялами.

Какой бы работой ни загружала меня Тетка во дворе, я то и дело поглядывала на верхний этаж, где шила матушка. У нас был условный сигнал: я переворачивала ведро вверх дном и ставила его около кухни – это означало, что все спокойно. Матушка откроет, бывало, окно и бросит ириску, стащенную из комнаты госпожи. Иногда прилетала связка тряпичных лоскутков – премиленький набивной ситец, полосатая или клетчатая ткань, муслин, привозное полотно. Один раз – даже латунный наперсток. Больше всего матушке нравилось таскать ярко-красные нитки. Отмотает, бывало, себе ниток, засунет в карман и отправится с ними на прогулку.

В тот день на дворе кипела работа, и я даже не надеялась, что с неба посыплются ириски. Мария, рабыня-прачка, обожгла руку углем из утюга, и ее пришлось отправить восвояси. Тетка бесилась из-за задержки стирки. Томфри велел мужчинам забить свинью, а та с ужасным визгом носилась по двору. Охотились на хрюшку все – начиная со старого кучера Снежка и заканчивая уборщиком конюшен Принцем. Томфри хотел поскорей разделаться со свиньей, потому что госпожа терпеть не могла галдежа во дворе.

Гвалт входил в ее список рабских грехов, который мы знали наизусть. Номер первый – воровство. Номер второй – неповиновение. Номер третий – лень. Номер четвертый – гвалт.

Считалось, что раб должен быть Святым Духом – его не видно, не слышно, но он всегда под рукой.

Госпожа окликнула Томфри, велев навести порядок, – мол, леди не обязательно знать, откуда берется бекон. Услышав это, я сказала Тетке: «Госпожа не знает, с какой стороны бекон входит и с какой выходит». И получила от Тетки затрещину.

Вооружившись длинной палкой, которая называлась у нас боевой дубинкой, я выуживала из котла покрывала и развешивала их на перекладине рядом с Теткиными травами. В конюшне сушить белье запрещалось – следовало беречь лошадиные глаза от щелока. Глаза рабов – дело другое. И я принялась изо всех сил колотить палкой по простыням и одеялам – «выколачивать грязь».

Закончив со стиркой, я освободилась и смогла насладиться грехом номер три. Пошла по тропинке, которую протоптала за день, пока сновала туда-сюда – от задворков усадьбы, мимо кухни и прачечной, в сторону раскидистого дерева. Некоторые его ветви были толще моего туловища, и каждая из них закручивалась, как лента из шкатулки. Злые духи летают по прямой, а на нашем дереве – ни одной не изогнутой веточки. Когда донимала жара, мы, рабы, собирались под его сенью. Матушка всегда говорила: «Не сдирай серый мох, а то дерево не защитит нас от солнца и любопытных глаз».

Обратный путь проходил мимо конюшни и каретного сарая. Тропинка из знакомой мне карты. Говорят, в доме хозяев есть глобус, на котором обозначена остальная часть мира, но я его ни разу не видела. Я брела и мечтала о том, чтобы нас с матушкой отпустили в родную каморку без окна, уютившуюся над каретным сараем. В нее из конюшни и коровника поднимался такой густой навозный дух, что казалось, тюфяки набиты им, а не соломой. Комнатушки прочих рабов размещались над кухней.

Налетел порыв ветра, и я прислушалась к шелканью парусов в гавани по ту сторону дороги. Никогда не ходила туда, но временами ветер доносил запахи. Паруса затрещат, бывало, как шелкающий бич, и все мы наострим уши, гадая – то ли на соседнем дворе секут раба, то ли перед отплытием корабль паруса расправляет. Если раздавались вопли – мы получали ответ.

Солнце скрылось, оставив в облаках складку, словно пуговица оторвалась. Я взяла боевую дубинку и ни с того ни с сего воткнула ее в тыкву, растущую в огороде. После чего швырнула через ограду серый орех, он с треском стукнулся о землю.

Затем наступила тишина. Из задней двери раздался голос госпожи:

– Тетка, сейчас же приведи ко мне Хетти.

Я пошла в дом, готовясь к взбучке за тыкву.

Сара Гримке

В день моего одиннадцатилетия мама перевела меня из детской. Целый год я мечтала избавиться от фарфоровых кукол, волчков и крошечных чайных сервизов, разбросанных по полу, равно как и от выставленных в ряд маленьких кроватей, – от всего этого бедлама. Но теперь, когда долгожданный момент настал, я медлила на пороге новой комнаты. Обитая темными панелями, она пропиталась запахом моего брата – запахом дымка и кожи. Дубовая кровать с балдахином из красного бархата, возвышаясь на массивном остоле, казалась ближе к потолку, чем к полу. Меня сковал страх при мысли о том, что я буду жить в такой громадине.

Собравшись с духом, я ринулась через порог. Таким безыскусным способом я брала барьеры девичества. Все считали меня отважной девочкой, но на самом деле я была не такой уж бесстрашной, скорее отличалась черепашьям нравом: встретив на пути опасность, норвила замереть и затаиться. «Если тебе суждено оступиться, делай это дерзко» – такой девиз придумала я для себя, до сих пор он помогал мне преодолевать пороги.

Все утро с Атлантики дул холодный свежий ветер, разнося по небу облака. На несколько мгновений я замерла в комнате, прислушиваясь к шуму длинных листьев карликовых пальм. Скрипели карнизы веранды. Стонали цепи над крыльцом. Внизу, в кухне, мать командовала рабами, которые, готовясь к празднованию моего дня рождения, доставали из шкафов китайские соусники и веджвудовские чашки. Горничная Синди потратила не один час на смачивание и завивку маминого парика, по лестнице поднимался кисловатый запах паленых волос.

Я смотрела, как Бина, наша няня, складывает в старый массивный шкаф мои вещи. Вспомнилось, как она качала колыбель Чарльза, помогая себе каминной кочергой, как звенели на ее руках браслеты из ракушек каури, как она пугала нас сказками о Буге Га – старухе, летающей на метле и высасывающей жизнь из непослушных детей. Мне будет не хватать Бины. И милой Анны, спавшей с большим пальцем во рту. И Бена с Генри, любивших до одури прыгать на кроватях, пока матрасы не взрывались фонтанами гусиных перьев. И маленькой Элизы, прятавшейся у меня в кровати от ужасной Буги.

Разумеется, мне давно следовало переселиться из детской, но пришлось ждать, пока Джон не уедет в колледж. Наш трехэтажный дом считался самым большим в Чарльстоне, но все равно не хватало спален, спасибо... гм... плодovitости матери. У нее было десять детей: Джон, Томас, Мэри, Фредерик, я и обитатели детской – Анна, Элиза, Бен, Генри, малютка Чарльз. Мама говорила, что я не похожа на других, отец называл особенной. У меня были ярко-рыжие волосы и веснушки – целые россыпи веснушек. Братья однажды нарисовали углем у меня на щеках и лбу Орион и Большую Медведицу, соединив «солнечные» крапинки. Я не возражала – на несколько часов стала их вселенной.

Все твердили, что я папина любимица. Не знаю, выделял ли он меня среди других или просто жалел, но сам был *моим* любимцем. Работая судьей в Верховном суде Южной Каролины, он принадлежал к верхушке плантаторского класса, которую в Чарльстоне считали элитой. Он воевал с генералом Вашингтоном, побывал в плену у британцев, но из скромности не рассказывал об этих вещах. Это делала мама.

Ее звали Мэри, и на этом заканчивалось ее сходство с матерью нашего Господа. Ее предки – первые семейства Чарльстона, небольшая компания лордов, которых король Карл послал основать город. Мать не уставала талдычить об этом направо и налево, и в какой-то момент мы перестали в негодовании закатывать глаза. Помимо надзора за домом, кучей детей и четырнадцатью рабами, на ней висел целый ряд общественных и религиозных обязанностей, способных измотать всех королей и святых Европы. Когда я была готова прощать, то говорила, что мать просто измучена, хотя и догадывалась, что она не слишком добра.

Бина разложила гребни и ленты на новом туалетном столике, повернулась ко мне и, заметив мой несчастный вид, поцокала языком:

– Бедная мисс Сара.

Меня всегда раздражало слово «бедная» рядом с моим именем. Впервые я услышала гадкое заклинание Бины в четыре года.

* * *

Это мое самое раннее воспоминание: я складываю слова из игровых шариков брата. Сажу под летним дубом в углу заднего двора. Десятилетний Том, мой любимец, учит меня словам: САРА, ДЕВОЧКА, МАЛЬЧИК, ИДИ, СТОЙ, ПРЫГАЙ, БЕГИ, ВВЕРХ, ВНИЗ. Написав их на бумаге, он дает мне мешочек с сорока восьмью стеклянными шариками с буквами. Шариков хватает на составление сразу двух слов. Копируя написанное Томасом, я выкладываю на земле: «Сара иди», «мальчик беги», «девочка прыгай». Я спешу изо всех сил. Скоро на поиски меня отправится Бина.

Однако во двор с черного крыльца выходит мама. За ней вплотную, стараясь попасть в такт шагам хозяйки, движутся домашние рабы во главе с Биной. Все вместе они напоминают огромную сороконожку, которой вздумалось переползти незащищенный участок. Я чувствую нависающую над ними тень, несущую в себе неведомую угрозу, и заползаю обратно в зеленоватый сумрак, под дерево.

Рабы не мигая смотрят на прямую спину своей госпожи. Повернувшись к ним, мать бранится:

– Что вы плететесь? Поторопитесь, надо скорей с этим покончить.

Пока она это говорит, дворовый раб выволакивает из коровника пожилую рабыню Розетту. Та вырывается, царапает ему лицо. Мать бесстрастно наблюдает.

Раб привязывает Розетту за руки к угловому столбику кухонного крыльца, рабыня с мольбой смотрит через плечо:

– Госпожа, пожалуйста. Госпожа. Госпожа. Прошу вас.

Она не перестает умолять, даже когда мужчина стегает ее плетью.

На ней светло-желтое хлопчатобумажное платье. Оцепенев от ужаса, я смотрю, как сквозь него проступают лепестки кровавых цветов. Как может свирепость ударов сочетаться с этими сладкозвучными причитаниями или красотой роз, выющихся по спине рабыни, как по шпалере. Кто-то считает удары – не мать ли? Шесть, семь.

Бичевание продолжается, Розетта перестает голосить и всем телом наваливается на перила крыльца. Девять, десять. Я отвожу глаза и замечаю черного муравья, букашка, вопреки опасностям, путешествует под деревом по громадным корням и лесистым мхам. В голове всплывают слова, которые я недавно складывала: «Мальчик беги. Девочка прыгай. Сара иди».

Тринадцать. Четырнадцать... Я вынырываю из тени, пробегаю мимо раба, который с чувством исполненного долга складывает плеть, мимо Розетты, повисшей обмякшим телом на руках. Поднявшись по ступеням заднего крыльца, я слышу оклик матери, а Бина пытается схватить меня, но я вырываюсь и мчусь по центральному коридору, потом выскакиваю из парадной двери и без оглядки несусь к причалу.

Остальное – словно в тумане, помню лишь, как, плача, шла по сходням корабля под парусами, как споткнулась о смотанный канат. Добрый бородатый человек в темной шляпе спрашивает, что мне нужно. Я умоляю взять меня с собой. «Сара иди».

За мной гонится Бина, но я замечаю ее, только когда она берет меня на руки и воркует:

– Бедная мисс Сара, бедная мисс Сара.

Это звучит как воззвание, как пророчество.

Меня приносят домой, всю в соплях, слезах и портовой грязи. Мама прижимает к себе беглое чадо, потом отодвигается и, сердито встряхнув, снова обнимает:

– Ты должна пообещать, что никогда больше не убежишь. Обещай мне.

Я хочу. Я стараюсь. Слова на кончике языка – круглые комочки, сверкающие, как шарики под деревом.

– Сара!

Ничего. Ни звука.

Целую неделю я не разговаривала. Слова, казалось, засосало в ямку между ключицами. Мало-помалу я вызволяла их – молитвами, угрозами и лестью. Я вновь заговорила, но со странными запинками. Никогда я не отличалась беглой речью, но теперь у меня между фразами появились некрасивые паузы, слова медлили на губах, а люди отводили глаза. Со временем эти ужасные заминки стали жить своей жизнью. То неделями изводили меня, то исчезали на несколько месяцев, чтобы потом так же внезапно возникнуть вновь.

* * *

В тот день, покинув детскую, чтобы начать взрослую жизнь в уважаемой комнате Джона, я не вспоминала о жестокой сцене семилетней давности. Не думала и о тонких нитях, которые с той поры связывали мой голос. Меня совершенно не волновали эти проблемы. Дефект речи не проявлялся уже четыре месяца и шесть дней, и я воображала себя выздоровевшей.

Поэтому, когда в комнату влетела мама – а я с головой ушла в новые заботы – и спросила, как мне нравится жилье, я, к своему ужасу, не смогла ответить. В горле словно захлопнулась дверца, и воцарилось молчание. Мама посмотрела на меня и вздохнула.

Когда она вышла, я, с трудом сдерживая слезы, отвернулась от Бины. Не хватало вновь услышать: «Бедная мисс Сара».

Подарочек

Тетка привела меня в теплую кухню, где Бина и Синди хлопотали над серебряными подносами, раскладывая имбирные пирожные и яблоки с молотыми орехами. Рабыни нарядились в длинные накрахмаленные фартуки. Из гостиной доносился гул голосов, словно пчелы жужжали.

Пришла госпожа и велела Тетке снять с меня грязное пальто и вымыть мне лицо, а потом добавила:

– Хетти, Саре исполняется одиннадцать лет, и мы устраиваем ей праздник.

Госпожа достала с буфета сиреневую ленточку и, обвив ее вокруг моей шеи, завязала бантик, а Тетка стерла салфеткой грязь с моих щек. Госпожа также обмотала лентой мою талию, я задергалась, а она строго прикрикнула:

– Перестань вертеться, Хетти! Стой спокойно.

Госпожа слишком туго затянула ленточку на шее, отчего стало больно глотать. Я поискала глазами Тетку, но та занималась угощением. Хотелось попросить ее: «Избавь меня от этого, помоги. Позволь побыть одной». Никогда я не лезла в карман за дерзким словечком, но на этот раз в горле клокотал лишь мышинный писк.

Я переминалась с ноги на ногу, вспоминая матушкины слова: «Тебе следует хорошо проявить себя к Рождеству, потому что в это время они продают лишних детей или отсылают на поля». Не слышала, чтобы господин Гримке продал хотя бы одного раба, но знала многих, кого он отослал на плантацию в сельскую глушь. Оттуда-то и прибыла моя матушка со мной в животе, оставив там отца.

И я перестала крутиться, стараясь делать то, о чем просил Бог. Быть покорной, спокойной и тихой.

Госпожа внимательно оглядела меня, взяла за руку и отвела в гостиную, где сидели расфуфыренные леди, держа в руках фарфоровые чашки и кружевные салфетки. Одна дама играла на крошечном пианино – клавесине, но, когда госпожа хлопнула в ладоши, остановилась.

Все уставились на меня. Госпожа молвила:

– Это наша маленькая Хетти. Сара, дорогая, вот тебе подарок – твоя собственная горничная.

Я в смущении скрестила руки на животе, но госпожа шлепнула меня по рукам и покружила на месте. Окружившие нас леди загалдели, как попугаи: «С днем рождения! С днем рождения!» Старшая сестра мисс Сары, мисс Мэри, сидела надувшись, потому, наверное, что не она была в центре внимания. Дурным нравом она, пожалуй, могла бы поспорить с госпожой.

Все мы видели, как она обращается со своей горничной Люси – каждый день шпыняет. Мы часто повторяли, что если бы мисс Мэри обронила со второго этажа носовой платок, то заставила бы Люси прыгать за ним. Меня, по крайней мере, это миновало.

Мисс Сара встала. На ней было темно-синее платье, ярко-рыжие волосы шелковистыми прямыми прядями обрамляли лицо, по которому рассыпаны веснушки. Она глубоко вздохнула и зашевелила губами. Казалось, она пытается извлечь слова из горла, словно воду из колодца.

Когда же наконец вытащила ведро воды, мы едва расслышали ее.

– ...Извини, мама... Я не могу это принять.

Госпожа попросила повторить. На этот раз мисс Сара заорала, как торговец креветками. Холодные голубые глаза госпожи потемнели. Она все сильнее впивалась ногтями мне в руку. Потом произнесла:

– Садись, милая Сара.

Мисс Сара сказала:

– ...Мне не нужна горничная... Я прекрасно обхожусь без нее.

– Довольно! – отрезала госпожа.

Не понимаю, как можно было не внять этому предупреждению. И тем не менее.

– ...Нельзя разве оставить ее для Анны?

– Довольно!

Мисс Сара плюхнулась в кресло, будто ее толкнули.

По ноге у меня потекла струйка. Я пыталась вырваться из когтей госпожи, а струйка тем временем расплзлась по ковру.

Госпожа вскрикнула, и все замолчали. Слышно было, как шипят в камине угольки.

Я приготовилась получить затрецину или что похуже. И подумала о Розетте, умевшей разыгрывать припадок, когда нужно. Она, бывало, напустит слюней и закатит глаза, иногда это помогало ей избежать наказания. Может, упасть на пол и изобразить припадок?

Но я, сгорая от стыда, продолжала стоять в мокром платье, прилипшем к бедрам.

Подошла Тетка и увела меня. Когда мы проходили мимо главной лестницы, я увидела матушку на площадке. Она прижимала руки к груди.

* * *

В ту ночь на ветвях дерева ворковали голуби. Я лежала на кровати, прижималась к матушке и пялилась на раму для лоскутного одеяла, висящую на стропилах. Матушка говорила, что эта рама – наш ангел-хранитель.

– Все будет хорошо, – пообещала она.

Но я никак не могла избавиться от чувства стыда. Ощущала на языке его горьковатый, как у шпината, вкус.

По Чарльстону прокатился гул колоколов, возвещающий комендантский час для рабов. Матушка сказала, что скоро с барабанным боем пройдет стража, но прозвучало это так, словно она говорит о жучках в крупе.

Потом она потеряла плоские косточки у меня на спине и рассказала африканскую историю, о которой поведала ее мама. О том, что люди умели летать, парили над деревьями и облаками, будто птицы.

На следующее утро матушка вручила мне лоскутное одеяло по моему росту и сообщила, что мне нельзя больше с ней спать. С этого времени я должна ночевать на полу в коридоре у комнаты мисс Сары.

– Вставай с одеяла, только когда позовет мисс Сара, – сказала мама. – Не броди вокруг. Не зажигай свечей. Не шуми. И беги, когда мисс Сара позвонит в колокольчик. – И еще добавила: – Теперь тебе будет несладко, Подарочек.

Сара

Меня отослали в новую комнату, как в одиночное заключение, и велели написать каждому гостю письмо с извинениями. Мама усадила за письменный стол, дала бумагу, чернильницу и составленное ею письмо, которое мне предстояло копировать.

– ...Ты ведь не наказала Хетти, да? – спросила я.

– Считаешь меня безжалостной, Сара? С девочкой вышел конфуз. Что я могла поделать? – Она раздраженно пожала плечами. – Если ковер нельзя почистить, придется его выбросить.

Пока она шла к двери, я выдавливала из себя нужные слова:

– ...Мама, пожалуйста, разреши мне... разреши вернуть тебе Хетти.

«Вернуть Хетти». Будто она принадлежала мне. Словно владеть людьми так же естественно, как дышать. При всей моей неприязни к рабству, я тоже дышала отравленным воздухом.

– Твое попечительство законно и обязательно к исполнению. Хетти твоя, Сара, и с этим ничего не поделаешь.

– ...Но...

Я услышала шуршание юбок – мать снова подошла ко мне. Она была женщиной, которой подчинялись ветры и приливы, но в этот момент обращалась со мной мягко. С улыбкой взяв меня за подбородок, она произнесла:

– Почему ты противишься? Не понимаю, откуда у тебя столь чуждые идеи. Это наш образ жизни, милая, и тебе надо с ним примириться. – Она поцеловала меня в макушку. – К утру все восемнадцать писем должны быть готовы.

Комната наполнилась оранжевым сиянием, подсветив кипарисовые панели, но вскоре погрузилась в сумрак и тени. Я живо представила себе Хетти – застывшее смущенное лицо, торчащие косички, жалкие сиреневые ленточки. Настоящий заморыш – всего на год моложе меня, но выглядит не больше чем на шесть лет. Тонкие как палки руки и ноги. Выделялись только огромные глаза удивительного золотистого оттенка, сияющие луны над черными щеками.

Мне казалось лицемерным просить прощения за то, в чем я не чувствовала вины. Я сожалела лишь о том, каким жалким получился мой протест. Больше всего хотелось упрямо просидеть здесь всю ночь, сидеть днями и неделями, если потребуется, но в конце концов я сдалась и написала мерзкие письма. Я знала, что меня считают необычной девочкой с бунтарскими идеями, жадным умом и забавной внешностью. Частенько я фыркала, словно лошадь, а подобная строптивость не красит женщин. Меня ожидала участь семейной парии, и я боялась гонений. Страшилась их пуще всего.

Снова и снова я писала:

Дорогая мадам!

Благодарю за честь, которую вы оказали, придя на празднование моего дня рождения. Сожалею, что, несмотря на хорошее воспитание, полученное от родителей, я проявила крайнюю непочтительность. Смирренно прошу простить меня за грубость и неуважение.

Ваш раскаявшийся друг,

Сара Гримке.

Только я вскарабкалась на нелепую высокую кровать и уютилась там, как за окном послышалась трель птички. Сначала каскад страстных придыханий, потом тихая грустная песенка. Я, со своими чуждыми идеями, почувствовала себя такой одинокой в этом мире.

Соскользнув с «насеста» и дрожа от холода в белой шерстяной сорочке, я подкралась к окну и поверх темных крыш всмотрелась в Ист-Бей с гаванью. Сезон штормов миновал, и в гавани пришвартовалось не менее сотни парусных судов с мерцающими в сумерках марселями и топселями. Прижавшись щекой к холодному стеклу, я разглядела над каретным сараем жилье рабов, где Хетти в последний раз ночевала с матерью. Назавтра ей предстояло приступить к своим обязанностям и спать в коридоре под моей дверью.

И тут на меня нашло озарение. Я зажгла свечу от гаснущих углей в камине и, открыв дверь, вышла в темный неотапливаемый коридор. На полу у дверей спален лежали три темные фигуры. Я впервые попала ночью в мир за детской и поэтому не сразу сообразила, что это рабы, которым велено спать поблизости на случай, если кто-то из Гримке позвонит в колокольчик.

Мама намеревалась заменить устаревший порядок новым, принятым в доме ее приятельницы миссис Рассел. Там господа нажимали кнопки, а в жилище рабов звонили колокольчики, каждый по-своему. Мама была помешана на новшествах, а отец считал их расточительством. Хотя мы и были англичанцами, но в папе чувствовалась гугенотская тяга к бережливости. Он говорил, что ненужные кнопки появятся в доме Гримке только через его труп.

Я прокралась босиком по широким ступеням из красного дерева на первый этаж, где спали еще два раба. Рядом, прислонившись спиной к стене у комнаты моих родителей, сидела настороже Синди. Она с опаской взглянула на меня, но ничего не спросила.

Пройдя по центральному коридору, застланному персидским ковром, я вошла в отцовскую библиотеку. Лунный свет струился из окна на портрет Джорджа Вашингтона в пышной раме. Уже почти год отец сквозь пальцы смотрел на то, как я под носом у господина Вашингтона совершаю набеги на библиотеку. Джон, Томас и Фредерик в полной мере пользовались ее обширными сокровищами – книгами по праву, географии, философии, теологии, истории, ботанике, греческим гуманитарным наукам, а также сборниками поэзии, – в то время как мне и Мэри официально запрещалось прочесть хоть слово. Мэри и дела не было до чтения, но я... мне оно снилось ночами. Я так любила книги, но почему – не смогла объяснить бы даже Томасу. Это он выбирал для меня подходящие томики и натаскивал по латинским склонениям. Он один знал о моем горячем желании получить хорошее образование, помимо того, что могла дать французская гувернантка мадам Руфин, мой заклятый враг.

Это была миниатюрная вспыльчивая женщина, носившая вдовий чепец с болтающимися вдоль щек тесемками. В холодное время она надевала накидку на беличьем меху и крошечные, подбитые мехом ботинки. Мадам Руфин славилась тем, что за малейшую провинность ставила воспитанницу на скамью для нерадивых и орала, пока та не теряла сознания. Я презирала и саму гувернантку, и ее «деликатное воспитание женского ума», состоящее из рукоделия, манер поведения, рисования, чтения, чистописания, фортепьяно, Библии, французского и основ арифметики. Временами казалось, что легче умереть, чем копировать в альбом крошечные цветы. Однажды я написала на полях: «Если мне суждено умереть от сего ужасного упражнения, пусть эти цветы украсят мой гроб». Мадам Руфин не оценила шутки. Меня поставили на скамью для нерадивых и громко ругали за дерзость. Я изо всех сил старалась не упасть в обморок.

Во время занятий меня все сильнее обуревали непонятные желания, сердце разрывалось от мук. Хотелось многое узнать, стать личностью. О, быть бы мне сыном! Я обожала отца, потому что он обращался со мной почти как с мальчиком, позволял наведываться в библиотеку.

В ту ночь угли в библиотечном камине успели остыть, но в воздухе по-прежнему пахло сигарами. Я без труда нашла отцовское «Гражданское и общественное право Южной Каро-

лины», сочиненное им самим. Мне и раньше приходилось листать эту книгу, и я быстро отыскала страницы с описанием вольной грамоты.

Взяв бумагу и перо с отцовского стола, я скопировала документ:

Сим подтверждаю, что в этот день, 26 ноября 1803 года, в городе Чарльстоне штата Южная Каролина я освобождаю от рабства Хетти Гримке и дарю ей данную вольную грамоту.

Сара Мур Гримке.

Что оставалось отцу, как не признать законность свободы Хетти? Ведь я следовала своду законов, придуманных им самим! Я оставила свою писанину на коробке для нардов, лежавшей на столе.

В коридоре услышала звон маминого колокольчика, призывающего Синди, и со всех ног помчалась по лестнице, так что пламя свечи погасло.

В моей комнате стало еще холодней, и птичка утихла. Я залезла под ворох одеял, но из-за возбуждения не могла уснуть, представляла, как меня будут благодарить Хетти и Шарлотта. Воображала гордость отца, обнаружившего документ, и гнев матери. Это законно и обязательно к исполнению, без сомнения! Наконец, усталая и довольная собой, я уснула.

Когда проснулась, на голубоватых дельфтских изразцах камина играли световые блики. Ночные восторги улетучились, мне было легко и спокойно. В тот момент я не смогла бы объяснить, как именно внутри желудя зарождается дуб или почему я вдруг поняла, что во мне подобным таинственным образом что-то пробуждается – женщина, которой я стану, – но казалось, я уже знала, какой она будет.

Я давно чувствовала это, когда штудировала отцовские книги и выстраивала доводы во время дебатов за обеденным столом. Только на прошлой неделе отец руководил дискуссией на предмет экзотических ископаемых животных между мной и Томасом. Томас доказывал: если необычные звери действительно вымерли, это ставит под сомнение Божьи замыслы, нанося урон совершенству Бога. А значит, подобные существа должны жить где-то в отдаленных уголках земли. Я же пыталась объяснить, что даже Господу позволено изменять решения.

– Почему совершенство Бога должно быть основано на неизменности? – спросила я. – Разве гибкость не более совершенна, нежели застой?

Отец хлопнул ладонью по столу:

– Будь Сара мальчиком, она стала бы лучшим юристом в Южной Каролине!

В том момент меня потрясли его слова, но сейчас, проснувшись в новой комнате, я поняла их истинное значение. И свое предназначение. Я стану юристом!

Разумеется, я знала, что женщин-юристов не бывает. Удел женщин – домашние дела и крошечные цветочки на страницах альбома. Чтобы леди стала юристом – скорей наступит конец света! Но ведь из желудя вырастает дуб!

Я говорила себе, что сомнения меня не остановят, только укрепят мою решимость, ибо я должна быть сильной.

Я любила придумывать для себя тайные ритуалы. Взяв впервые книгу из библиотеки отца, я на полоске бумаги записала число и название – 25 февраля 1803-го, «Озерная госпожа» – и засунула ее в черепаховую заклепку для волос, которую носила потом с таинственным видом. Сейчас, когда на кровати заиграли солнечные блики, мне пришла на ум новая задумка.

Подойдя к шкафу, я вынула синее платье, сшитое Шарлоттой для той неудачной вечеринки. Воротничок застегивался на большую серебряную пуговицу с выгравированным ирисом. Я отпоролла пуговицу ножом для разрезания писем. Зажав ее в руке, принялась молиться: «Прошу Тебя, Господи, пусть посаженное Тобой зерно принесет плоды».

Когда открыла глаза, все оставалось на своих местах. Комнату так же освещали блики света, на полу, как лоскут голубого неба, лежало платье, а в руке была зажата серебряная пуговица, но я чувствовала, что Бог меня услышал.

Серебряная пуговица вобрала в себя все, что произошло минувшей ночью: нежелание владеть другим человеком, облегчение, испытанное при подписании вольной, но превыше всего – узнавание в себе природного зерна, которое отец успел во мне разглядеть. Юрист.

Я засунула пуговицу в небольшую шкатулку и спрятала ее в глубине комода.

Из коридора слышались голоса вперемешку со звоном подносов и кувшинов. Рабы в услужении... Мир просыпался.

Я поспешно оделась, желая узнать, увижу ли за дверью Хетти. Сердце забилося сильней, но Хетти там не было. Зато на полу лежала составленная мной вольная. Разорванная пополам.

Подарочек

Моя жизнь с мисс Сарой началась не с той ноги. Когда я в первое утро подошла к ее комнате, дверь была распахнута, а мисс Сара сидела на полу, уставившись на стену. Я спросила:

– Мисс Сара, хотите, чтобы я вошла?

Она поднесла ко рту маленькие пухлые ладони, раскрыв короткие пальцы как дамский веер. Потухшие глаза говорили яснее слов: «Не хочу тебя здесь видеть». Но она сказала:

– ...Да, входи... Я рада, что ты будешь моей горничной.

Потом плюхнулась в кресло и вернулась к прежнему занятию. То есть к ничегонеделанию.

Я, десятилетняя рабыня, не знавшая иной работы, кроме домашней – для Тетки, почти никогда не заходила в господский дом. И никогда – на верхние этажи. Что за хоромы! Кровать, огромная, как экипаж, туалетный столик с зеркалом, письменный стол с книгами, множество стульев с мягкой обивкой. У камина стоял защитный экран с вышитыми розовыми цветами – работа моей матушки. На каминной полке – две белые вазы из настоящего фарфора.

Я осмотрелась по сторонам и замерла, не зная, что делать дальше.

– Тут холодно, – сказала я. Мисс Сара ничего не ответила, и я повторила громче: – У вас холодно.

Она оторвала взгляд от стены:

– ...Можешь разжечь камин.

Я видела, как это делается, но наблюдать и распалить самой – не одно и то же. Я не догадалась открыть заслонку, и из топки повалил дым, словно из трубы вырвалась стая летучих мышей.

Мисс Сара бросилась распахивать окна. Наверное, похоже было, что горит дом, потому что со двора слышался крик Томфри:

– Пожар, пожар!

И все принялись за дело.

Я схватила таз с водой, окунула в него лицо, а потом выплеснула воду в камин, отчего задымил в два раза больше. Мисс Сара, мелькала в черном тумане, как привидение, гнала дым в окна. В комнате была дверь, выходящая на веранду, я побежала к ней, хотела прокричать Томфри, что пожара нет. Но не успела я это сделать, как услышала госпожу – она с воплями носилась по дому, приказывая всем выходить, прихватив охапку вещей.

Когда дым почти рассеялся, я вслед за мисс Сарой спустилась во двор. Старый Снежок вместе с Сейбом взнуздали лошадей и отвели экипажи в дальний угол, на случай если с домом рухнут и дворовые постройки. Томфри велел Принцу и Эли таскать из цистерны воду. Показались соседские мужчины с ведрами. Люди боялись пожара пуще дьявола. На колокольне церкви Святого Михаила постоянно держали раба, который наблюдал за крышами – нет ли пожара,

я боялась, что он увидит весь этот дым и зазвонит в церковный колокол, вызвав пожарную команду.

Я подбежала к матушке, которая жалась к остальным рабам. У их ног лежали в куче спасенные пожитки. Фарфоровые миски и чайницы, амбарные книги, одежда, портреты, Библии, броши и жемчуга. Даже мраморный бюст. Госпожа одной рукой сжимала трость с золотым набалдашником, а другой – серебряный мундштук для сигар.

Мисс Сара пробивалась сквозь толпу обезумевших людей, чтобы сказать Томфри, что пожара нет и заливать нечего. Пока она запинаясь, подыскивая нужные слова, мужчины вновь принялись таскать воду.

Когда наконец все поняли, что произошло, госпожа пришла в ярость:

– Хетти, какая же ты неумеха!

Никто не шевельнулся, даже соседи. Матушка подвинулась и спрятала меня за спиной, но госпожа вытащила вперед и двинула тростью по затылку, я упала на колени.

Матушка завопила, мисс Сара тоже. Но госпожа замахнулась, собираясь ударить снова. Не могу объяснить, что произошло потом. Двор, люди в нем, окружающие нас стены исчезли. Земля ушла из-под ног, и небо вздулось подобно парусу на ветру. Я оказалась в каком-то пространстве, неподвластном времени. В голове прозвучал четкий голос: «Поднимись. Поднимись и взгляни ей в лицо. Брось ей вызов, и пусть попробует ударить тебя. Брось вызов».

Я встала на ноги и повернулась к ней. Глаза мои говорили: «Ударь меня. Я тебя не боюсь».

Госпожа уронила руку и отступила назад.

Двор вернулся. Протянув руку, я нащупала на голове шишку с перепелиное яйцо. Матушка кончиком пальца тоже осторожно прикоснулась к шишке.

До конца этого Богом забытого дня рабыни – женщины и девочки – вытаскивали из верхних комнат на веранду одежду, белье, ковры и шторы. Для проветривания. Все, кроме матушки и Бины, бросали на меня презрительные взгляды. Мисс Сара вызвалась помочь и таскала вещи наравне со всеми. Каждый раз, встречаясь с ней взглядом, я недоумевала: почему она смотрит на меня так, словно видит впервые в жизни?

Сара

В знак протеста против обладания Хетти – не знаю, придал ли кто-нибудь этому значение, – я целых три дня ела одна у себя в комнате. На четвертый, усмирив гордость, явилась в столовую на завтрак. Мы с матерью не говорили о загубленной вольной грамоте. Думаю, именно она разорвала бумагу на два равных кусочка и положила у порога моей комнаты, высказав тем самым последнее слово, не произнеся при этом ни звука.

В возрасте одиннадцати лет я владела рабыней, которую не могла освободить.

Эта самая длинная за день трапеза тянулась уже давно. Отец, Томас и Фредерик успели уйти – кто в школу, кто на службу, – но в столовой оставались мама, Мэри, Анна и Элиза.

– Ты опоздала, дорогая моя, – произнесла мать не без симпатии.

Благоухая кухонными ароматами – пóтом, углем, дымом и резким запахом рыбы, – рядом со мной возникла Фиби, помощница Тетки, на вид чуть старше меня. Обычно она стояла у стола и размахивала мухобойкой, но сегодня поставила передо мной тарелку с сосисками, лепешкой из кукурузной муки, солеными креветками, черным хлебом и желе из тапиоки.

Дрожащей рукой опуская на стол чашку чая, Фиби водрузила ее на ложку, расплескав кипяток на скатерть.

– Ох, госпожа, простите! – вскрикнула она.

Мать вздохнула с таким видом, будто ей приходится расхлебывать промахи всех негров на свете.

– А где Тетка? Почему, ради всего святого, ты прислуживаешь?

– Она меня учит.

– Что ж, оно и видно.

Фиби бросилась за дверь, а я ободряюще ей улыбнулась.

– Мило, что ты появилась, – произнесла мама. – Как себя чувствуешь?

Все взоры обратились ко мне. Слова накапливались у меня на кончике языка, но не спешили выходить. В такие моменты я представляла, что мой язык – это рогатка. Я оттягиваю ее назад, сильнее, сильнее...

– Все хорошо.

Слова полетели через стол с брызгами слюны.

Мэри сделала вид, что промокает лицо салфеткой.

«Она станет такой же, как мама, – подумала я. – Дом с кучей детей и рабов, а вот у меня...»

– Полагаю, ты нашла остатки своей причуды?

Ах вот оно что. Она конфисковала мой документ, вероятно, даже без ведома отца.

– Какой причуды? – спросила Мэри.

Я бросила на мать умоляющий взгляд.

– Это тебя не касается, Мэри, – отрезала мама, наклонив голову, словно желая сгладить конфликт между нами.

У себя в комнате я плюхнулась в кресло и задумалась над тем, как объяснить отцу свой поступок. Я хотела показать ему разорванный документ. Размышляла об этом весь день, но ближе к ночи поняла, что ничего хорошего не выйдет. Ведь он подчинялся матери во всех домашних делах и терпеть не мог болтунов. Братья никогда не говорили лишнего, и я не стану. Надо быть идиоткой, чтобы и дальше сердить маму.

В надежде справиться с разочарованием я стала бодро обсуждать сама с собой свое будущее. Ведь произойти может что угодно. Все что угодно!

Ночью я открыла лавовую шкатулочку и долго смотрела на серебряную пуговицу.

Подарочек

Госпожа сказала, что я самая плохая горничная в Чарльстоне.

– Ты чудовищна, Хетти, чудовищна!

Я спросила мисс Сару, что означает «чудовищная».

– Не совсем такая, как все, – ответила та.

Ага, на лице госпожи было написано, что бывают плохие, бывают те, которые хуже, а после них уж чудовищные.

За первую неделю, помимо истории с дымом, я пролила на пол масло из лампы, оставив скользкое пятно, разбила фарфоровую вазу и подпалила щипцами для завивки прядь рыжих волос мисс Сары. Мисс Сара не стала браниться. Она перетащила ковер на масляное пятно, спрятала в кладовке погреба разбитую вазу и отрезала подпаленные волосы щипцами для снятия нагара.

Только в одном случае мисс Сара звонила в колокольчик: если к нам приближалась госпожа. Бина и ее девочки, Люси и Фиби, начинали петь: «Вот трость стучит. Вот трость стучит». Предупреждающий колокольчик мисс Сары давал мне некоторую свободу, и я, бывало, уходила по коридору к эркеру, откуда видна гавань с океанскими волнами, накатывающими на пристань. Ничто не могло сравниться с этой великолепной картиной.

Увидев ее впервые, я затопала ногами и, подняв руку, пустилась в пляс. Вот когда я обрела свою религию. В тот момент я не понимала, что такое вера, не отличала «аминь» от «аллилуйя». Знала лишь: во мне появилось нечто, связавшее с этой водой.

Я видела, как волны меняют цвет. В какой-то день они бывали зелеными, потом бурыми, на следующий день – желтыми, как сидр. Фиолетовые, черные, голубые. И все время в движении, ни на миг не успокаиваются. По морю взад-вперед ходят корабли, в глубине плавают рыбы.

Мне хотелось спеть воде песенку:

Через воды и моря
Рыбы пусть везут меня.
Хоть и длинен водный путь,
Мне с дороги не свернуть.

Спустя месяц или два я прилично освоила некоторые дела по дому. Но даже мисс Сара не знала, что иногда по ночам я покидаю пост у ее двери и до рассвета смотрю на воду, искрящуюся в лунном сиянии. Сверкали огромные, как блюда, звезды. Иногда был виден остров Салливан. В темноте я тосковала по матушке, мне не хватало нашей кровати и развешенного над нами лоскутного одеяла. Я представляла себе, как матушка шьет их одна, вспоминала набитый перьями грубый мешок, красный кожаный мешочек с булавками и иголками, мой чудный латунный наперсток. В такие ночи я со всех ног мчалась в каморку над конюшней.

Матушка очень сердилась каждый раз, когда, проснувшись, заставала меня в своей постели. Говорила, если меня поймают, то беды не оберешься, я, мол, и так часто вывожу господа из себя.

– Ничего хорошего не выйдет из твоих ночных брожений, – говорила она. – Оставайся-ка на своей подстилке. Сделай это ради меня, слышишь?

И я старалась ради нее. Целых несколько дней. Лежала на полу в коридоре, пытаюсь согреться на сквозняке и поудобней устроиться на досках. Приходилось мириться с этими мучениями, чтобы потом дожидаться утешения от воды.

Сара

Прошло четыре месяца после катастрофы с моим одиннадцатым днем рождения. Проснувшись однажды пасмурным мартовским утром, я не нашла Хетти. Подстилка ее была смята, храня очертания маленького тела. В это время она обычно наполняла водой умывальный таз, развлекала меня всякими историями. Удивительно, но ее отсутствие задевало меня. Я скучала по ней, как по близкому другу, да и волновалась за нее. Ведь мать однажды уже приложила руку к Хетти.

Не найдя ее в доме, я остановилась на верхней ступеньке заднего крыльца, осматривая двор. Из гавани принесло редкий туман, и сквозь него просвечивало солнце, сияя тусклым золотом карманных часов. У дверей каретного сарая Снежок чинил ремень сбруи. Тетка сидела верхом на табуретке около огорода и чистила рыбу. Не желая вызывать ее подозрений, я не спеша направилась к кухонному крыльцу, где Томфри раздавал слугам орудия труда: Эли – мыло для мраморных ступеней, Фиби – два полотенца для чистки хрусталя, Сейбу – совок для наполнения ведер углем.

Дожидаюсь, пока он не закончит, я скользнула взглядом по дубу в левом заднем углу двора. Ветки его были унизаны тугими почками, и, хотя сейчас дерево мало походило на себя летнее, мне вспомнился тот далекий день: я сижу на земле, расставив ноги, – в тишине и зное, в зеленоватой тени – и составляю из шариков слова: «Сара иди»...

Взглянув в противоположную сторону двора, я увидела Шарлотту. Мать Хетти шла вдоль поленницы, то и дело наклоняясь и подбирая что-то с земли.

Подойдя незамеченной, я увидела у нее в руках маленькие пушистые перья.

– ...Шарлотта...

Она подпрыгнула от неожиданности, выпустила из руки перышко, и его подхватил морской бриз. Перышко долетело до верха высокой кирпичной ограды и застряло в изогнутых ветвях смоковницы.

– Мисс Сара! – воскликнула Шарлотта. – Вы напугали меня до смерти.

Она засмеялась визгливым нервным смехом, метнув взгляд в сторону конюшни.

– ...Я не хотела... Хотела только спросить... не знаешь, где...

Не дав мне договорить, она указала на поленницу:

– Посмотрите вниз, туда.

Вглядевшись в промежуток между двумя поленьями, я заметила коричневое пушистое существо с острыми ушками. Совенок! Немногим больше цыпленка. Он помигал желтыми глазами, а потом уставился на меня, и я отодвинулась.

Шарлотта снова рассмеялась, на этот раз более непринужденно:

– Не укусит, не бойтесь.

– ...Это птенчик.

– Я наткнулась на него несколько дней назад. Бедняжка лежал на земле и пищал.

– ...Он был... ранен?

– Не-а, просто его бросили. Его мама – амбарная сова. Устроилась в вороньем гнезде под навесом, а потом пропала. Наверное, с ней что-то стряслось. Кормлю птенчика объедками.

Раньше мое общение с Шарлоттой ограничивалось лишь примерками платьев, но мне и тогда не нравилась ее проницательность. Из всех отцовских рабов она была самой умной, и в этом таилась опасность. Мои опасения впоследствии подтвердились.

– ...Я буду хорошо обращаться с Хетти, – неожиданно ляпнула я.

Эти полные сожаления и в то же время высокомерные слова прорвались, обнажая чувство вины.

Глаза рабыни – медовые, как у ее дочери, – широко распахнулись, а потом сощурились, превратившись в щелки.

– ...Мне не хотелось владеть ею... Я пыталась освободить ее, но... мне не позволили.

Я не могла остановиться.

Шарлотта опустила руку в карман фартука. Повисла гнетущая тишина. Она ощутила мое чувство вины и хитро им воспользовалась.

– Хорошо, – сказала рабыня. – Потому что я знаю, вы скоро сделаете это для нее.

– ...Сделаю это?

– Уверена, вы обязательно поможете ей освободиться.

– ...Да, постараюсь, – откликнулась я.

– И мне надо, чтобы вы поклялись.

Я кивнула, с трудом понимая, что меня ловко принудили к соглашению.

– Только сдержите слово, – сказала она. – Знаю, так и будет.

Я вдруг вспомнила, зачем подошла к ней.

– ...Мне никак не найти...

– Не успеете и глазом моргнуть, а Подарочек будет у вашей двери.

Я пошла в дом, чувствуя, как сильнее затягивается петля этих странных доверительных отношений.

Через десять минут в моей комнате появилась Хетти, на худеньком лице блестели огромные глаза, глущие, как у того совенка. Я сидела за письменным столом, только что открыв книгу из отцовской библиотеки, «Приключения Телемах». Телемах, сын Пенелопы и Одиссея, отправлялся в Трою на поиски отца. Не спрашивая у Хетти, где она была, я принялась читать вслух. Хетти забралась на ступеньки моего ложа, уткнула подбородок в ладони и все утро слушала, как Телемах мерится силами с опасностями Древнего мира.

* * *

Коварная Шарлотта. Весь март меня донимали мысли о вырванном обещании. Почему я не сказала, что освободить Хетти невозможно? Что я могу предложить ей лишь доброту?

Пришло время шить платье к Пасхе, и я обмирала от одной мысли, что рабыня припомнит разговор у пленницы. Лучше мне было бы уколоться иглой, чем снова выдерживать ее испытующий взгляд.

– Мне не нужен новый наряд на Пасху, – сказала я матери.

И неделю спустя стояла на табурете в недошитом атласном платье. Войдя в комнату, Шарлотта поспешно выпроводила Хетти по выдуманному делу. Платье было светло-коричневого цвета. «Как кожа Шарлотты», – подумала я, глядя, как та стоит передо мной с тремя зажатыми в зубах булавками. Когда рабыня заговорила, я почувствовала запах кофейных зерен, которые она обычно жевала. Слова с трудом проталкивались сквозь сжатые зубы.

– Вы сдержите обещание?

К своему стыду, я нарочно начала заикаться больше обычного...

Подарочек

В первую погожую субботу, когда весна вошла в свои права, госпожа вывезла в карете с фонарями мисс Сару, мисс Мэри и мисс Анну. Тетка сказала, что они вооружились зонтиками от солнца и поехали на прогулку на Уайт-Пойнт.

Когда Снежок вывел экипаж из задних ворот, мисс Сара помахала мне рукой, а Сейб, разодетый в зеленый сюртук и жилетку, осклабился, свисая с задка кареты.

– Чего глазеее? – прикрикнула Тетка. – Быстро за уборку, надо привести лоск в их комнатах. Коси коса, пока роса.

В комнате мисс Сары я застелила постель, отчистила налет с зеркала, который никак не смывался водой с золой. После чего смахнула со штор жирных мертвых мотыльков, протерла ночной горшок и насыпала туда щепотку соды. Затем долго скребла полы.

Утомившись от работы, я задумалась, что делать дальше. Слоняться без дела нельзя. Для начала я выглянула в коридор: нет ли рабов? Кое-кто из них не моргнув глазом донес бы на ближнего. Лучше не рисковать. Я затворила дверь и открыла книги мисс Сары. Я листала страницу за страницей, всматривалась в пометки, напоминающие обрывки черного кружева, оставленные на бумаге. В них было свое очарование, но, как по мне, мало проку.

Я выдвинула ящик стола и стала рыться в ее вещах. Нашла незаконченную неумелую вышивку крестом, словно ее сделала трехлетка. Еще в ящике обнаружили красивые блестящие нитки на деревянных шпульках. Сургуч, коричневая бумага. Мелкие рисунки с чернильными кляксами. Длинный латунный ключ с кисточкой.

Я заглянула в платяной шкаф, пощупала сшитые матушкой платья. Потом залезла в ящик туалетного столика и вынула хозяйкины ювелирные украшения, ленты для волос, бумажные веера, флаконы и щетки и, наконец, маленькую шкатулку. Она сияла, как моя кожа, когда намокнет. Я отодвинула защелку и увидела большую серебряную пуговицу. Дотронувшись до нее, я медленно опустила крышку – так же медленно, как закрывала шкаф и книги, как задвигала ящики, – чувствуя, как переполняется грудь. На свете столько всего, что можно иметь и не иметь.

Я вернулась к письменному столу, снова выдвинула ящик и уставилась на нитки. А потом сделала нечто нехорошее, но без зазрения совести. Взяла пухлую шпульку с ярко-красными нитками и опустила ее в карман платья.

* * *

В субботу перед Пасхой нас всех позвали в столовую. Томфри сказал, что пропали какие-то вещи. Я шла туда и думала: «Господи, помоги».

Ничего не было хуже для раба, чем пропажа старой чепуховины. Достаточно помятой оловянной чашки из буфетной или кусочка тоста с хозяйкиной тарелки... На этот раз исчезла не старая чепуховина и не шпулька с красными нитками, а совершенно новый хозяйский отрез зеленого шелка.

И вот все мы, четырнадцать человек, выстроились в линию перед госпожой, которая нас распекала – говорила, что шелк особенный, его везли с другого конца земли, из Китая, где какие-то червяки пряли нитки. Оглядываясь назад, я думаю, что в жизни не слышала подобного бреда.

Каждый из нас обливался потом и дрожал, нервно пряча руки в карманы штанов или под фартук. Запах страха вился над нами.

Матушка была в курсе всего, что происходило за каменной оградой, поскольку госпожа позволяла ей самостоятельно ходить на рынок. Она старалась оградить меня от ужасных вещей, но я слышала про дом мучений на Мэгазин-стрит – белые называли его работным домом. Говорили, рабы шили там одежду, делали кирпичи и подковывали лошадей. Я узнала об этом, когда мне не было и восьми лет. Ходили слухи, что рабов сажали в темный подвал и не выпускали неделями. И еще я проведала о наказании плетью. Раб мог получить до двадцати плетей. Белый человек за полдоллара покупал серию порок и использовал их для приведения раба в нужное расположение духа.

Насколько я знала, ни один из рабов Гримке еще не попадал в работный дом, в то утро в столовой каждый из нас опасался, что роковой день настал.

– Один из вас виновен в воровстве. Если вернете отрез ткани, а именно этого хочет Бог, я буду милосердна.

Угу.

Хозяйка считала нас совсем пустоголовыми.

Зачем рабу шелк изумрудного цвета?

* * *

На следующую ночь после пропажи ткани я выскользнула из дома. Главная задача – незаметно пройти мимо Синди, спящей перед дверью госпожи. Она не дружила с матушкой, потому приходилось быть осторожной, но, к счастью, Синди громко храпела. Я залезла в матушкину кровать, в пустую – мама стояла в углу со скрещенными на груди руками.

– Что же ты вытворяешь?

Никогда прежде я не слышала такого тона в ее голосе.

– Вставай, мы сейчас же вернемся в дом. Ты сбежала в последний раз, в последний. Это не игра, Подарочек. Накликаешь на нас беду.

Она не стала ждать, пока я поднимусь, а схватила меня, как тюфяк, и поставила на ноги. Потом, взяв под руку, спустила по ступеням каретного сарая, протащила через двор. Мои ступни едва касались земли. Она заволокла меня в теплую кухню через дверь, которая никогда не запиралась. Прижав палец к губам, подтолкнула к лестнице и кивком указала наверх: «Теперь иди».

Ступени сильно скрипели. Не успела я сделать и десяти шагов, как внизу открылась дверь, а матушка приглушенно вздохнула.

Из темноты раздался голос господина:

– Кто это? Кто там?

По стенам заметался свет фонаря. Матушка не шевелилась.

– Шарлотта? – Он казался абсолютно спокойным. – Что ты здесь делаешь?

За его спиной матушка подала мне знак, чтобы я прижалась к ступеням.

– Ничего, господин Гримке. Ничего, сэр.

– Должна быть причина твоего присутствия в доме в этот час. Если не хочешь неприятностей, объяснись сейчас же.

Он говорил довольно мягко.

Матушка стояла, словно язык проглотив. Господин Гримке всегда так на нее действовал. Будь на его месте госпожа, матушка уже бы выпалила три-четыре фразы. Ну скажи, что Подарочек заболела и ты собиралась навестить ее. Скажи, что тебя прислала Тетка за лекарством для Снежка. Скажи, что не можешь уснуть, беспокоишься о пасхальных нарядах – как они будут сидеть утром. Скажи, что ходишь во сне. Скажи хоть что-нибудь.

Матушка раздумывала слишком долго, и вот из комнаты вышла госпожа, я заметила, что у нее сбился ночной чепец.

Есть такие узелки в судьбе, которые никак не развязать, и вот один из самых сложных – ночь, когда провинилась я, а поймали матушку.

Я могла бы обнаружить себя, признаться, сказать, что виновата, но продолжала, затаившись, сидеть на ступенях.

Госпожа спросила:

– Так это ты воришка, Шарлотта? Пришла за чем-то еще? Значит, бродишь здесь по ночам?

Госпожа разбудила Синди, велела привести Тетку и зажечь два фонаря, чтобы обыскать матушкину комнату.

– Да, мэм. Да, мэм, – залепетала довольная Синди.

Господин Гримке зарычал, будто наступил на собачью кучу. Ох уж эти хлопоты с женщинами и рабами! Забрав свой фонарь, он отправился спать.

Я на расстоянии шла за матушкой и остальными, повторяя слова, которые не положено знать десятилетке. Ругаться я научилась в конюшне, слушая, как Сейб поет лошадям. «Тьфу, черт бы вас побрал, проклятые белые!» Я уговаривала себя признаться госпоже в том, что произошло. «Я ушла со своего места у двери мисс Сары и пробралась в старую комнату. А матушка привела меня обратно в дом».

Робко заглянув в нашу каморку, я увидела, что с кровати сорваны все одеяла, умывальный таз перевернут, а мешок из рогожи вывернут наизнанку и повсюду валяются клочки шерсти и тканей. Тетка поворачивала шкив, чтобы опустить раму с лоскутным одеялом, его верхние края не были обработаны, отовсюду торчали концы ярких нитей.

Меня в дверном проеме не замечал никто, кроме матушки, взор которой всегда обращен в мою сторону. Веки ее опустились, и она долго не открывала глаз.

Колесики шкива запели, и рама медленно опустилась под скрипучую музыку. К верху незаконченного лоскутного одеяла была приторочена ярко-зеленая ткань.

* * *

Первая моя мысль: как красиво. На каждой складочке играл свет от фонаря. Я, Тетка и госпожа устали на ткань с таким видом, будто она нам приснилась.

Потом госпожа долго распространялась о том, насколько трудно ей будет карать рабыню, которой доверяла, но выбора нет.

– Твое наказание откладывается до понедельника, – сообщила она матушке, – завтра Пасха, и я не хочу портить праздник. Ты не будешь наказана вне дома, и скажи за это спасибо, но не сомневайся, что получишь по заслугам.

Госпожа не произнесла слов «рабочий дом», сказала «вне дома», но мы ее поняли. По крайней мере, матушку не отошлют в тот кошмар.

Госпожа наконец повернулась ко мне, она не спросила, что я здесь делаю, и не отослала меня к комнате мисс Сары, сказала лишь:

– Можешь остаться с матерью до ее наказания в понедельник. Хочу, чтобы у нее было какое-то утешение. Не такая уж я бесчувственная.

Долго той ночью я изливала матушке свою печаль и раскаяние. Она гладила меня по плечам и говорила, что не злится. Повторяла, что ни в коем случае мне нельзя было отлучаться из дома, но она не сердится.

Я уже почти заснула, когда услышала:

– Надо было вшить зеленый шелк внутрь одеяла, и его никогда бы не нашли. Мне не жаль, что я украла, жаль только, что меня поймали.

– Зачем ты его взяла?

– Затем, – ответила она. – Затем, что могла.

Слова запали мне в душу. Матушке не нужна была эта тряпка, ей хотелось показать свое неповиновение. Не в ее власти получить свободу или двинуть госпожу тростью по затылку, но она могла украсть хозяйский шелк. Человек бунтует любыми способами.

Сара

В день Пасхи мы, Гримке, ехали в экипажах в епископальную церковь Святого Филипа по Митинг-стрит, обсаженную с двух сторон индийской мелией. Я просила отца взять меня с собой в открытую двуколку, но этой привилегией успели воспользоваться Томас и Фредерик, а мне остался душный экипаж с мамой. Воздух еле просачивался сквозь узкие прорезы, выполнявшие роль окошек. Прижавшись лицом к щели, я любовалась великолепием пролетавшего мимо Чарльстона – нарядные особняки с просторными верандами, ящики с цветами на балконах выстроившихся в ряд домов, подстриженные тропические деревья – олеандр, гибискус, бугенвиллея.

– Сара, полагаю, ты готова дать свои первые уроки, – сказала мама.

Недавно я стала учительницей в воскресной школе для цветных. Один урок там вели девочки от тринадцати лет и старше, но мама упростила преподобного Холла сделать для меня исключение. В кои-то веки ее властная натура была мне на руку.

Из окна резко пахло бирючиной, я повернулась к матери:

– ...Да... я оч-чень много занималась.

– ...Оч-чень много, – передразнила меня Мэри, выпучив глаза и гримасничая.

Бен захихикал.

У моей сестры всегда была наготове какая-нибудь пакость. В последнее время я стала меньше запинаться и не позволяла ей сбивать себя с толку. Я стремилась сделать что-то полезное, и если заикнусь на уроке, то так тому и быть. Сейчас меня больше беспокоило, что придется вести занятие на пару с Мэри.

Экипажи подъезжали к рынку, где по тротуарам разгуливали толпы негров и мулатов. Воскресенье – единственный выходной у рабов, и они заполняли оживленные улицы. Большинство отправлялось в церкви хозяев, где им надлежало сидеть на галерее. Однако и в будни на улицах было полно рабов: они выполняли господские распоряжения, навевались на рынок, доставляли письма и приглашения на чай и обед. Некоторые трудились по найму, ходили на работу и с работы. У них почти не оставалось времени, чтобы заводить знакомства,

и тем не менее они нередко собирались на углах улиц, на причалах или у винных погребов. Газета «Чарльстон меркьюри» выступала против «безнадзорной толпы» и требовала принять меры, но отец говорил, что, если у раба есть пропуск и рабочий жетон, его присутствие абсолютно законно.

Однажды задержали Снежка. Вместо того чтобы ждать нас у церкви, он принялся радостно разъезжать по городу. Его забрали в караулку около церкви Святого Михаила. Отец разгневался, но не на Снежка, а на городскую стражу, он бушевал всю дорогу до канцелярии мэра и заплатил штраф, чтобы Снежка не забрали в рабочий дом.

Из-за огромного скопления экипажей на Камберленд-стрит мы не смогли подъехать близко к церкви. Мать возмущалась: мол, народ валом валит на службу только на Пасхальной неделе, в то время как она заботится, чтобы Гримке посещали храм каждое скучное, ничем не примечательное воскресенье. С места возницы донесся скрипучий голос Снежка:

– Госпожа, отсюда придется идти пешком.

Сейб распахнул дверцы экипажа и по очереди помог нам сойти.

Впереди размашисто шагал отец – невысокий, но импозантный мужчина в сером пальто, цилиндре и с узким шелковым шарфом на шее. У него было худое лицо с длинным носом и густыми, кустистыми бровями. Я думаю, красивым его делали волосы – буйная темно-каштановая копна. Томас унаследовал от него насыщенный коричнево-красный цвет волос – как и Анна, и маленький Чарльз, – а мне достался приглушенный оттенок хурмы да еще светлые, почти незаметные брови и ресницы.

Места прихожан в церкви Святого Филипа точно отражали их статус в Чарльстоне. Элита соперничала за сиденья в передней части, менее богатые размещались сзади, а бедняки теснились на боковых лавках. Наша скамья, которую отец арендовал за триста долларов в год, стояла всего в третьем ряду от алтаря.

Я сидела рядом с отцом, держала его шляпу на коленях и улавливала легкий аромат лимонного масла, которым он пользовался для приручения своих локонов. С верхних галерей доносились галдеж и смех рабов. Этот гомон всегда нам докучал. Когда рабов собиралось много, они шумели в церкви так же, как на улицах. В последнее время гвалт сделался столь невыносимым, что на балконах для устрашения поставили наблюдателей. И тем не менее галдеж не прекращался. А тут – бац! Крик. Прихожане зашевелились, с опаской поглядывая вверх.

К тому времени как преподобный Холл взобрался на кафедру, под сводами поднялся невообразимый шум. Над галереей пролетел чей-то ботинок и шлепнулся вниз. Тяжелый ботинок. Он упал на леди, спешащую к выходу, удар пришелся по голове, сбив шляпу.

Когда семья вывела травмированную леди из церкви, преподобный Холл наставил указательный палец на дальний левый балкон и медленно покрутил им. Наступила тишина, и он по памяти процитировал отрывок из Послания апостола Павла.

– Рабы, со страхом и трепетом подчиняйтесь своим господам, как самому Христу. – Затем он произнес слова, которые многие, включая мою мать, называли бы самой красноречивой импровизацией на тему рабства. – Рабы, призываю вас не роптать на судьбу, ибо такова воля Господа! Ваша покорность предписана Священным Писанием. Так повелевает Господь через пророка Моисея. Ваше послушание одобрено Христом через Его апостолов и поддерживается Церковью. Так будьте же осмотрительны, и пусть Господь в своем милосердии дарует вам в этот день смирение с тем, чтобы вы вернулись к своим хозяевам преданными слугами.

Священник сел в кресло за алтарем. Я устала на папину шляпу, потом в смущении и замешательстве подняла взгляд на отца, силясь разобраться в происходящем. Лицо его походило на бледную суровую маску.

* * *

После службы я пришла в небольшую грязноватую классную комнату за церковью, по которой взад-вперед носилось двадцать два ребенка. Я распахнула окна, впуслав облако пыльцы цветущих деревьев в сумрачную душную комнату. Чихнув несколько раз, я постучала концом веера по столу в надежде призвать детей к порядку. На единственном стуле сидела Мэри и глядела на меня со смешанным выражением скуки и насмешки.

– Пускай играют, – сказала она. – Я им разрешаю.

Я растерялась. После проповеди преподобного рвения к уроку у меня поубавилось. В заднем углу класса валялась куча пыльных потрепанных подушек, на которых, вероятно, сидели дети, поскольку в комнате не было иной мебели, помимо учительского стола и стула. Никаких листов с расписанием, книг с картинками, грифельной доски, мела или картинок на стенах.

Я разложила подушки рядами на полу, и дети бросились пинать их ногами, как мячи. Мне было велено прочитать им сегодняшнюю проповедь и разъяснить ее значение. Когда удалось рассадить детей на подушках и взглянуть в их лица, затея показалась мне глупой. Если каждый озабочен обращением рабов в христианство, то почему бы не научить их самостоятельно читать Библию?

Я запела алфавит, это была новая песенка для обучения. A B C D E F G... Мэри с удивлением посмотрела на меня, потом вздохнула и вернулась в состояние апатии. H I J K L M N O P... Когда я пела, я никогда не запинаясь. Глаза детей заблестели от любопытства. Q R S... T U V... W X... Y Z.

Я уговорила детей петь песенку по частям со мной. Произношение хромало, но надо было видеть их улыбающиеся лица! Я сказала себе, что в следующий раз принесу грифельную доску и буду писать буквы. Мне вспомнилась Хетти. На письменном столе я заметила беспорядок в книгах и поняла, что в мое отсутствие она их рассматривала. Ей бы понравилось выучить алфавит!

После полудюжины повторов дети запели от души, почти выкрикивая буквы. Мэри заткнула уши пальцами, а я пела в полный голос, дирижируя руками, и даже не заметила на пороге преподобного Холла.

– Что за ужасные проказы? – спросил он.

Мы замолчали, а меня не покидало странное ощущение, будто буквы продолжают беспорядочно кружиться над головами. Запылали щеки.

– ...Мы пели, ваше преподобие.

– Которая ты из детей Гримке?

В младенчестве он крестил меня, как и моих братьев и сестер, однако вряд ли помнил каждого.

– Это Сара, – вскочила на ноги Мэри. – Я с ними не пела.

– ...Извините, что мы так шумели, – сказала я.

Он нахмурился:

– Мы не поем в воскресной школе для цветных и, само собой, не поем алфавит. Ты знаешь, что учить раба читать – это нарушение закона?

Я смутно помнила об этом законе, он хранился где-то в глубине памяти и казался постыдным. Вряд ли священник стал бы утверждать, что это тоже Божья воля.

Он ждал ответа, а когда оно не последовало, спросил:

– Не думаешь ли ты, что Церковь может противоречить закону?

Вспыхнули воспоминания о дне, когда мать стукнула Хетти тростью, и я, подняв голову, молча взглянула на священника.

Подарочек

События завертелись стремительно и неотвратно.

В понедельник, после молитвы, Тетка отвела матушку в сторону. Она сообщила, что у госпожи есть подруга, которой не нравится наказание кнутом, и та предложила кару под названием «на одной ноге». Сказала, что на лодыжку раба набрасывают петлю из кожаного ремня, потом заставляют отвести назад согнутую ногу и завязывают второй конец на шее. Если раб опускает ногу, петля затягивается...

Мы понимали, о чем она говорит. Матушка уселась на ступени кухонного корпуса и положила голову на колени. Привязывать ее пришел Томфри. На его лице было написано, что ему хочется оказаться где угодно, только не здесь, но он не произнес ни слова.

– Одного часа, Томфри, будет достаточно, – распорядилась госпожа.

Потом она пошла в дом и села у окна.

Томфри вывел матушку на середину двора близ сада, где из земли пробивались крошечные ростки. Все рабы, кроме Снежка, уехавшего на экипаже, сгрудились под нашим раскидистым деревом. Розетта завывала, Эли, пытаясь успокоить, похлопывала ее по руке. Люси и Фиби спорили из-за куска ветчины, оставшегося от завтрака, к ним подошла Тетка и вlepила каждой по оплеухе.

Томфри повернул матушку лицом к дереву и спиной к дому. Она не сопротивлялась, стояла поникшая и безвольная. Повсюду чувствовался гнилостный запах водорослей, доносящийся из гавани.

– Держись за меня, – сказал Томфри матушке.

Она положила руку ему на плечо, пока он привязывал к лодыжке нечто вроде старого кожаного ремня. Потом он заставил ее поднять ногу с ремнем, другой конец которого обмотал вокруг шеи и застегнул пряжку.

Я прижималась к Бине, у меня дрожали губы и подбородок. Заметив это, матушка сказала:

– Не смотри. Закрой глаза.

Но я не послушалась.

Связав ее, Томфри отошел, чтобы наказанная не могла за него держаться. Она тяжело грохнулась на землю и рассекла кожу над бровью. При падении ремень натянулся, и матушка начала задыхаться, откинув голову назад, она хватала ртом воздух. Я бросилась на помощь, но тут же послышался стук хозяйкиной трости по окну, и Томфри, оттащив меня в сторону, помог матушке встать.

Тогда я закрыла глаза, но увиденное во мраке было страшнее действительности. Разлепив веки, я смотрела, как мама пытается удержать ногу согнутой и размахивает руками, чтобы сохранить равновесие. Матушка устремила взгляд на вершину дуба. Нога, на которой она стояла, дрожала. По щеке, как поток дождя по скату крыши, текла струйка крови.

«Не дай ей снова упасть», – повторяла я, словно молитву. Госпожа говорила, что Бог слышит каждого, даже раба. У меня сложилось свое представление о Боге – это белый человек, расхаживающий с тростью, как госпожа, или избегающий рабов, как господин Гримке, который держался так, будто в его мире невольников не существует. Такой Бог и пальцем не пошевелит, чтобы помочь.

Матушка не упала, и я подумала, что Бог меня все же услышал. А может, существует еще и черный Бог. Или матушка заставила себя стоять, собрав в кулак всю свою волю и все силы, откликнулась на мою молитву. Она не жаловалась, не издавала ни звука, только иногда шевелила губами. Позже я спросила, нашептывала ли она что-то Богу.

– Твоей бабушке, – был ответ.

Когда прошел час и Томфри снял у нее с шеи ремешок, матушка повалилась на землю и свернулась калачиком. Томфри с Теткой подняли ее за руки и поволокли по лестнице каретного сарая в каморку. Я бежала сзади, следя, чтобы ноги матушки не бились о ступени. Потом ее, как мешок с мукой, свалили на кровать.

Как только мы остались одни, я легла рядом и уставилась на раму с одеялом. Время от времени я спрашивала:

– Хочешь воды? Ноги болят?

Она кивала, не открывая глаз.

Ближе к вечеру Тетка принесла рисовых лепешек и куриного бульона, но матушка не притронулась к еде. Мы всегда оставляли дверь каморки открытой, чтобы было светло, и весь день к нам прилетали шум и запахи со двора. Таких долгих суток у меня еще не было.

Матушка снова начала ходить, но в душе изменилась. Казалось, какая-то ее часть навсегда осталась в том дне, ожидая, когда удавка ослабнет. Наверное, тогда и начало разгораться холодное пламя ее ненависти.

Сара

Хетти не появилась и наутро после Пасхи. Я позавтракала и, перед тем как отправиться в школу мадам Руфин на Легар-стрит, по настоянию матери написала письмо с извинением преподобному Холлу.

Ваше преподобие,

прошу извинить меня за то, что я не справилась с учительскими обязанностями в воскресной школе для цветных при церкви Святого Филипа. Прошу прощения за то, что пренебрегла расписанием занятий, а также за то, что проявила дерзость в отношении вас и святой канцелярии.

Ваша раскаявшаяся прихожанка

Сара Гримке.

Едва я поставила подпись, мама потащила меня к входной двери, где ждал Снежок с экипажем, в котором уже сидела Мэри. Обычно карету для нас с Мэри подавали к заднему крыльцу... Кучер копался, и мы опаздывали.

– Почему он у парадного входа? – спросила я.

Мама ответила, что мне следует брать пример с сестры и не задавать ненужных вопросов.

Снежок повернулся и как-то странно взглянул на меня, будто предостерегая.

Целый день я была словно натянутая струна. Вечером, встретившись с Томасом на веранде для занятий – настоящих занятий, я едва подавляла тревогу.

Дважды в неделю мы рылись в отцовских книгах – вопросы права, латынь, история Старого Света и, с недавних пор, работы Вольтера. Брат считал, что я чересчур юна для Вольтера.

– Он для тебя слишком сложен! – говорил Томас.

Это правда, но тем не менее я бросалась в волны вольтеровского моря и выныривала с горсткой афоризмов. «Каждый человек виноват в том, что не совершил всех хороших дел» – такое высказывание сводило на нет все удовольствие от жизни! Или: «Если бы Бога не было, человеку пришлось бы Его выдумать». Я не знала, выдумал ли преподобный Холл своего Бога, а я – своего, но подобные мысли мучили и тревожили меня.

В занятиях с Томасом я видела смысл жизни, но в тот день, сидя с учебником латыни на коленях, не могла сосредоточиться. День пропитался ровным теплом и запахом крабов, выловленных в красноватых водах реки Эшли.

– Давай. Продолжай, – сказал Томас и, наклонившись, постучал пальцем по книге. – Вода, господин, сын – именительный падеж, единственное и множественное число.

– ...Aqua, aquae... Dominus, domini... Filius, filii... Ой, Томас, что-то не так!

Я размышляла, куда подевалась Хетти, почему мама ведет себя странно, а Снежок столь хмур. В каждом рабе – Тетке, Фиби, Томфри, Бине – я ощущала какую-то подавленность. Томас, наверное, тоже.

– Сара, ты читаешь мои мысли, – сказал он. – Я думал, мне удалось это скрыть.

– ...Что такое?

– Не хочу быть адвокатом.

Брат неверно истолковал мою тревогу, но я промолчала – такого захватывающего секрета он мне еще не открывал.

– ...Не адвокатом?

– Никогда не хотел им быть. Это противно моей природе. – Он устало улыбнулся. – Зато ты – будешь. Отец сказал, ты станешь самым выдающимся юристом в Южной Каролине, помнишь?

Я помнила об этом так же, как любой человек помнит о солнце, луне и рассыпанных по небу звездах. Казалось, мир устремляется ко мне навстречу – сверкающий и прекрасный. Взглянув на Томаса, я еще больше уверилась в своем предназначении. У меня был союзник. Истинный и неsgiбаемый.

Поглаживая волнистые, густые, как у отца, волосы, Томас вышагивал по веранде.

– Хочу стать священником, – сказал он. – Мне осталось меньше года до поступления в Йель вслед за Джоном, а со мной обращаются как с несмышленищем. Отец считает, я не ведаю, чего хочу, но на самом деле я знаю!

– А он разрешит тебе изучать богословие?

– Вчера вечером я просил его благословения, но он отказал. Я сказал: «Тебя не волнует, что я собираюсь откликнуться на призыв Бога?» И знаешь, что он ответил? «Покуда Бог не сообщит мне о твоём призыве, будешь изучать право».

Томас плюхнулся в кресло, а я подошла и опустилась перед ним на колени, прижалась щекой к тыльной стороне его ладони.

– Я бы все сделала, чтобы помочь тебе.

* * *

Солнце опускалось все ниже, а Хетти так и не появлялась. Не в силах больше совладать с тревогой, я притаилась у окна кухонного корпуса, где после вечерней трапезы собирались рабыни.

Кухонный корпус служил им убежищем. Здесь они сочиняли небылицы, сплетничали и делились секретами. Время от времени рабыни затягивали песню, она плыла через двор, просачивалась в дом. Мне особенно нравилась одна, которая со временем становилась все более буйной.

Пусть, хлеб преломив,
Придет к нам Иисус.
И ноги устали.
Придет к нам Иисус.
Болит поясница.
Придет к нам Иисус.
Вот выпали зубы.
Придет к нам Иисус.

Тащусь еле-еле.
Придет к нам Иисус.

Иногда в кухне раздавались взрывы смеха, радуя мать.
– Наши рабы счастливы, – самодовольно говорила она.
Ей не приходило в голову, что веселятся они не потому, что довольны, а из желания выжить.

Однако в тот вечер кухонный корпус был окутан сумраком. Из окна тянуло жаром, от печи – дымом, и мое лицо освещалось отблесками огня. Я заметила Тетку, Бину, Синди, Марию, Фиби и Люси в ситцевых платьях, все молчали, слышался лишь звон чугунных кастрюль и сковородок.

Наконец до меня долетел голос Бины:

– Говоришь, она не ела весь день?

– Ни крошки, – ответила Тетка.

– Я бы тоже не смогла есть, если бы на меня накиннули удавку, – сказала Фиби.

Я похолодела. «Накиннули удавку? На кого? Не на Хетти же?»

– А о чем она думала, когда воровала? – Это был голос Синди. – Что говорит в свое оправдание?

Вновь послышался голос Тетки:

– Ничего. С ней там Подарочек, она болтает за двоих.

– Бедная Шарлотта, – сказала Бина.

«Шарлотта! На нее накиннули удавку. Что это значит?» В памяти всплыло мелодичное причитание Розетты. Я видела, как ей связывали руки, как плоть рассекала спину и на коже распускались и увядали кровавые цветы.

Не помню, как вернулась в дом, только оказалась вдруг в маленькой кухне у запертого буфета, где мама хранила лекарства. Я часто заглядывала в него в поисках снотворного для отца, а потому быстро нашла ключ и достала голубую склянку с жидкой мазью и баночку со сладким душистым чаем. В чай капнула два грана опия.

Пока я укладывала лекарства в корзину, в коридор вошла мать:

– Что, ради всего святого, ты делаешь?

– ...А что сделала ты?

– Юная леди, попридержите язык!

Ах так? Почти всю жизнь я держала свой бедный язык за зубами.

– ...Что ты сделала? – закричала я.

Плотно сжав губы, она выхватила у меня корзинку.

Меня охватила неведомая ярость, я вырвала корзинку из рук матери и пошла к двери.

– Ты не выйдешь из этого дома! – отрезала она. – Я запрещаю.

Я выбежала через заднюю дверь в тихий сумрак, дрожа от своего же неповиновения. Небо стало синевато-зеленым, из гавани дул упорный ветер.

Вслед за мной, пронзительно вопя, шла мать:

– Я запрещаю тебе!

Ее слова колыхались на ветру, неслись мимо веток дуба, над кирпичной оградой.

Сзади послышался шум, обернувшись, мы увидели в колышущемся сумраке Тетку, Бину, Синди и прочих. Они смотрели на нас с крыльца кухни.

Бледная мать поднялась на ступени.

– Я хочу проведать Шарлотту, – отчеканила я.

Слова легко сорвались с губ, как поток воды. Я поняла, что нервное заикание ушло в небытие, так уже случалось в прошлом, мой дефект постепенно сглаживался, пока однажды я не избавилась от него полностью.

Мать тоже это заметила. Она больше ничего не сказала, и я, не оглядываясь, поспешила к каретному сараю.

Подарочек

Когда стемнело, матушку затрясло. Голова ее свесилась набок, зубы застучали. У Розетты при приступах дергались конечности, матушку, казалось, до костей пробирает холод. Я не знала, что делать, и просто гладила ее по рукам и ногам. Через некоторое время она затихла. Дыхание ее выровнялось, и я сама не заметила, как уснула.

Мне снился сон, и я в нем спала. Дремала под сводом густой зелени, склонившейся надо мной. Мои руки обвивали виноградные лозы, которые вились у лица. Я спала, но в то же время видела себя со стороны, словно была частью проплывающих мимо облаков. Взглянув вниз, я поняла, что зеленый свод вовсе не свод, а наша рама для лоскутных одеял, увитая лозами и листьями. Я спала, наблюдая за собой со стороны, и облака продолжали плыть мимо, и я вновь увидела густую зелень. На этот раз в ней была матушка.

Не знаю, отчего я проснулась. В камерке было тихо и темно.

– Не спишь? – спросила матушка.

Это были ее первые слова с момента, как Томфри связал ее.

– Нет.

– Хорошо. Хочу рассказать тебе историю. Слушаешь, Подарочек?

– Да.

Мои глаза привыкли к темноте, и я увидела, что дверь по-прежнему широко распахнута, а матушка, нахмурившись, лежит рядом со мной.

– Твою бабушку девочкой привезли из Африки, – начала она. – Ей было примерно столько же, сколько тебе сейчас.

У меня забилося сердце. Я обратилась в слух.

– Вскоре после приезда ее разлучили с мамой и папой, и в ту же ночь с неба попадали звезды. Ты думаешь, звезды не падают, но твоя бабушка это видела. – Матушка помедлила, чтобы я могла представить себе, как выглядело небо. – Она говорила, что все ей стало казаться ничемным. Еда напоминала мясо обезьяны. У нее не осталось ничего, кроме небольшого обрывка лоскутного одеяла, сшитого мамой. В Африке ее мать слыла лучшей мастерицей по лоскутным одеялам. Наш народ фон делал аппликации, как и я сейчас. Люди вырезали фигурки рыб, птиц, львов, слонов – всяких местных зверей – и пришивали их на одеяло. Но на том, что привезла с собой твоя бабушка, не было животных, только маленькие трехсторонние фигуры, которые ты зовешь треугольниками. Такие же, как я пришиваю на свои одеяла. Моя матушка называла их крыльями дрозда.

В коридоре заскрипели половицы, и я услышала учащенное дыхание, как у мисс Сары. Я приподнялась на локте, вытянула шею и различила ее силуэт на фоне коридорного окна. Потом опустилась на кровать, и матушка продолжила рассказ, к которому стала прислушиваться и мисс Сара.

– Твою бабушку продали за двадцать долларов, новый хозяин отправил ее на плантации близ Джорджтауна. Утром им давали вареные бобы и горох, и если раб не справлялся с едой за десять минут, то в этот день ничего больше не получал. Твоя бабушка говорила, что всегда ела слишком медленно. С отцом я незнакома. Знаю только, что он был белым, звали его Джон Пол. Хозяину он приходился братом. После моего рождения нас продали. Мать говорила, что у меня кожа светло-коричневого оттенка, и все понимали почему. Новый владелец жил близ Камдена. Мать работала на плантации, я была при ней, а по ночам она учила меня всему, что знала о лоскутных одеялах. Я распарывала штанины старых брюк и подола платьев и собирала из кусков нечто новое. Мама говорила, в Африке в лоскутные вещи зашивают талисманы. В

свои я прятала пряди волос. Когда мне исполнилось двенадцать, матушка стала похвастаться перед госпожой, что я могу шить все на свете, и госпожа взяла меня в дом – учиться у их швеи.

Матушка замолчала и пошевелила ногами. Я боялась, что ей больше нечего рассказать. Никогда прежде не слышала этой истории. Слушать ее было все равно что смотреть на себя спящую – проплывают облака, надо мной склонилась матушка... Я позабыла, что за дверью стоит мисс Сара.

Я ждала, и она продолжила рассказ:

– Мама родила мне брата, пока я шила в доме. Она не говорила, кто его отец. Мальчик не прожил и года. Когда он умер, твоя бабушка отыскала для нас дерево душ. Это был простой дуб, но она называла его баобабом, как в Африке. Говорила, что у народа фон есть дерево душ – баобаб. Твоя бабушка обмотала ствол нитками, которые то ли выпросила, то ли стащила, затем привела меня к нему и произнесла: «Отдаем дереву свои души, чтобы сберечь их». После мы встали на колени на ее африканское лоскутное одеяло и отдали дереву души. «Теперь живут на дереве вместе с птицами и учатся летать, – сказала мама. – Если покинешь это место, забери свою душу с собой». Мы, бывало, собирали под деревом листья и веточки и засовывали их в мешочки, которые носили на шее. – Рука матушки потянулась к горлу, ощупала его. – Мама умерла зимой от крупа. Мне было шестнадцать, я научилась хорошо шить. Вскоре хозяин влез в долги и продал всех нас. Меня купил господин Гримке для дома в Юнионе. Накануне отъезда я забрала у дерева свою душу. Хочу, чтобы ты знала: твой папа был золотой человек. Его звали Шенни, он работал на плантации у господина Гримке. Однажды госпожа сообщила, что я поеду в Чарльстон, чтобы шить для нее. Я сказала: «Хорошо, но возьмите Шенни, он мой муж». Она ответила, что Шенни останется работать на плантации и, может быть, иногда я смогу с ним видаться. Ты уже жила во мне, но никто этого не знал. Шенни умер от раны на ноге, когда тебе не исполнилось и года. Он так и не увидел тебя.

Матушка замолчала и вскоре уснула, а я осталась с ее рассказом.

* * *

На следующее утро я проснулась, пошла в уборную и споткнулась о корзину у двери. Внутри была склянка с жидкой мазью и лечебный чай.

В тот день я вернулась к мисс Саре, прошмыгнула в комнату, застав ее за книгой. Она постеснялась спрашивать, что случилось с матушкой, и я сказала:

– Мы нашли вашу корзинку.

Лицо ее прояснилось.

– Скажи своей маме: мне очень жаль, что с ней так обошлись. Надеюсь, она скоро поправится.

В ее словах не было притворства.

– Это для нас очень важно, – ответила я.

Отложив книгу, мисс Сара подошла ко мне и обняла. Трудно было разобраться, что к чему. Люди говорят, при таком различии, как у нас, теплые чувства невозможны. Я не знала наверняка, симпатизирует ли мне мисс Сара или просто чувствует вину? И не понимала, идет ли моя симпатия к ней от любви или от потребности в защите. Она любила и жалела меня. А я любила и использовала ее. Все очень сложно. Но в тот день наши помыслы были чисты.

Сара

За весной пришло лето, я освободилась от мадам Руфин до осени и попросила Томаса чаще заниматься со мной на веранде.

– Боюсь, нам придется прекратить уроки, – сказал он. – Мне и самому пора садиться за учебу. Отец велел приступить к изучению его книг по юриспруденции для поступления в Йель.

– Я буду помогать тебе! – воскликнула я.

– Сара, Сара, контра-ра.

Так он говорил, когда его отказ бывал окончательным и бесповоротным.

Он понятия не имел, какие планы я строила на его счет. На Брод-стрит от биржи до собора Святого Михаила протянулась цепочка контор барристеров. Я мечтала о том, что мы станем партнерами в одной из них и над входом повесим табличку «Гримке и Гримке». Конечно, не обойдется без стычек с членами семьи, но при поддержке Томаса и отца ничто мне не помешает.

Каждый вечер я в одиночку трудилась над юридическими книгами отца.

По утрам, закрыв двери, вслух читала Хетти. Когда воздух нестерпимо раскалялся, мы скрывались на веранде и там, сидя рядышком на качелях, пели сочиненные Хетти песенки – по большей части о морском путешествии на корабле или на спине кита. Ее ноги болтались взад-вперед, как палки. Иногда мы садились перед окнами в эркере второго этажа и играли в «сплети нитку». У Хетти в кармане платья всегда был запас красных ниток, и мы часами продевали их сквозь вытянутые пальцы, создавая в воздухе замысловатые красные узоры.

Обычные девчоночьи игры, но для каждой из нас они были в новинку, и, чтобы мама нам не помешала, мы скрывались как могли. Мы с Хетти переступили опасную черту.

* * *

Ранним утром Чарльстон изнывал от немилосердного летнего зноя, а мы с Хетти лежали ничком на ковре в моей комнате, и я вслух читала «Дон Кихота». Неделей раньше мать, в ожидании сезона москитов, приказала достать москитные сетки и укрепить над кроватями. Однако у рабов не было такой защиты, и они уже вовсю чесались, натираясь, чтобы избавиться от зуда, свиным жиром и черной патокой.

Хетти расчесывала укус москита на плече и хмуро посматривала на книжные страницы, словно те таили в себе неразрешимый шифр. Мне хотелось поведать ей о подвигах рыцаря и Санчо Пансы, но она то и дело перебивала меня, тыча пальцем то в одно слово, то в другое:

– Что здесь написано?

Приходилось прерывать чтение и объяснять. Когда мы читали «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо из Йорка», она вела себя точно так же. Возможно, ей просто наскучило слушать об этих нелепых людях – рыцаре и потерпевшем крушение моряке?

Чтобы оживить в Хетти интерес к повествованию, я старалась читать выразительно. А между тем свет в комнате померк – приближался шторм. Насыщенный запахами дождя и олеандра, через открытое окно врывался ветер, колыхая москитный полог. Послышались раскаты грома, и на подоконник полились струи дождя. Я отложила книгу.

Мы с Хетти разом вскочили, опустили оконную раму и вдруг увидели в желтоватом сумраке пикирующую молодую сову, которую Шарлотта с Хетти преданно выкармливали всю весну. Из птенца соенок превратился во взрослую птицу, но продолжал жить в поленнице.

Я смотрела, как он летит на нас, по дуге над стеной заднего двора. Мы успели хорошо рассмотреть странное совиное лицо. Когда птица пропала из виду, Хетти отправилась зажигать лампу, а я стояла, не в силах оторваться от окна. Вспомнился день, когда Шарлотта показала мне совенка у поленницы, и моя клятва освободить Хетти – невыполнимое обещание, по-прежнему вызывающее чувство вины. Но вдруг до меня дошло: Шарлотта сказала, что я должна *любым путем* помочь Хетти освободиться.

Обернувшись, я смотрела, как она несет фонарь к туалетному столику и вокруг ее ног пляшут блики света.

– Хетти, научить тебя читать? – спросила я, когда она поставила фонарь.

* * *

Я обзавелась букварем, орфографическим справочником, грифельной доской и куском мела, и мы приступили к ежедневным урокам в моей комнате. Я не только запирала дверь, но и завешивала замочную скважину. Занимались по утрам часа два, а то и больше. После урока я заворачивала учебные пособия в мешковину и засовывала под кровать.

Прежде я никого не обучала чтению, но со мной усиленно занимался латынью Томас, а мадам натаскивала по другим предметам, так что я имела представление о том, как надо учить. Хетти проявила большие способности. Через неделю занятий научилась писать и освоила алфавит. Через две – проговаривала слова из сборника упражнений. Никогда не забуду момента чудесного озарения, когда буквы, как и звуки, обрели для нее свой смысл. После этого она все увереннее читала по букварю.

К сороковой странице ее словарный запас насчитывал восемьдесят шесть слов. Каждое новое слово я заносила в блокнот.

– Дойдешь до сотни – устроим чаепитие, – обещала я ей.

Хетти начала разбирать надписи на аптечных этикетках и банках с продуктами.

– Как пишется «Хетти»? – спрашивала она. – А «вода»?

У нее была огромная тяга к учебе.

Однажды я заметила, как она что-то чертила палкой на земле двора, и выбежала остановить ее. Хетти крупными буквами выводила слово В-О-Д-А.

– Что ты делаешь? – спросила я, стирая буквы ступней. – Кто-нибудь увидит.

Она рассердилась на меня не меньше.

– Думаешь, у меня нет ног, чтобы стереть буквы, если кто-нибудь придет?

Свое сотое слово она освоила тринадцатого июля.

* * *

На следующий день мы устроили праздничное чаепитие на четырехскатной крыше нашего дома в надежде увидеть торжества в честь Дня взятия Бастилии. У нас была обширная французская колония из Сан-Доминго, французский театр и на каждом углу – французский пансион благородных девиц. Маму и ее приятельниц завивал и пудрил французский парикмахер, развлекал дам рассказами о гильотинировании Марии Антуанетты, которому он якобы стал свидетелем. Чарльстон – британский до мозга костей, однако день разрушения Бастилии праздновал с не меньшим рвением, чем День независимости.

Мы поднялись на чердак с двумя фарфоровыми чашками и чайником черного чая, приправленного иссопом и медом. Оттуда поднялись по лесенке, ведущей к люку в крыше. В тринадцать лет Томас обнаружил это тайное окошко, и мы с ним бродили среди труб. Однажды Снежок подвозил мать к дому с благотворительного мероприятия и заметил нас на крыше. Ни слова не сказав ей, он забрался наверх и увел нас. С тех пор я не отваживалась туда ходить.

Мы с Хетти, прислонившись к скату, примостились у водостока с южной стороны. Она никогда не пила из фарфоровых чашек и проглотила свой чай залпом, а я прихлебывала не спеша. Вдали по Брод-стрит вышагивала процессия, которую почти не было видно, но мы слышали, как она поет Марсельезу. Звонили колокола в церкви Святого Филипа, громыхал салют из тринадцати залпов.

На крыше возились птицы, и повсюду валялись перья. Хетти рассовывала их по карманам, и это почему-то вызвало во мне приступ нежности. Может, я чуть-чуть опьянела от иссопа

и меда или разволновалась от новизны происходящего. Как бы то ни было, я начала выбалтывать Хетти свои секреты.

Призналась, что подслушивала под дверью комнаты Шарлотты в день, когда ее наказали.

– Знаю, – сказала Хетти. – Не так уж здорово ты умеешь шпионить.

Я выболтала все тайны. Сестра Мэри презирует меня. Томас – единственный друг. Мне не разрешили учить детей рабов, но не потому, что я к этому не способна, – пусть не думает.

Мои откровения становились все мрачнее.

– Однажды я видела, как били плетью Розетту, – сказала я. – Мне было четыре. Тогда я и начала заикаться.

– Сейчас ты вроде хорошо говоришь.

– Бывает по-разному.

– Розетте здорово досталось?

– Да, это было ужасно.

– Что она сделала такого?

– Не знаю. Не спрашивала. Я тогда несколько недель не разговаривала.

Мы замолчали, откинувшись назад и глядя на перистые облака. Разговор о Розетте слишком сильно на нас подействовал, и как-то забылось, что чаепитие – в честь сотого слова Хетти.

Захотелось немного поднять настроение.

– Хочу стать юристом, как отец. – Неожиданно для самой себя я выдала главный свой секрет и поспешно добавила: – Но об этом нельзя никому говорить.

– Мне некому рассказывать. Разве только маме.

– Даже ей нельзя. Обещай.

Хетти кивнула.

Успокоившись, я подумала о шкатулке из лавы и серебряной пуговице.

– Знаешь, иногда какой-то предмет может означать совсем не то, чем является на самом деле... – Она непонимающе смотрела на меня, пока я думала, как объяснить. – К примеру, трость моей матери должна помогать ходить, но все мы знаем, для чего она используется.

– Чтобы дубасить по головам. – Помолчав, Хетти добавила: – Треугольник на лоскутном одеяле означает крыло дрозда.

– Да, это я и хотела сказать. У меня в комоде есть шкатулка с пуговицей внутри. Пуговица нужна для застегивания одежды, но эта – красивая и такая необычная, что я решила – пусть символизирует мое желание стать юристом.

– Я знаю про пуговицу. Я не трогала ее, просто открыла шкатулку и посмотрела.

– Не возражаю, если ты ее поддержишь.

– У меня есть наперсток, он помогает проталкивать иглу и защищает пальцы, но, я думаю, может означать что-то еще.

Я спросила, что именно.

– Не знаю. Просто хочу научиться шить, как мама.

Хетти была в ударе. Она пересказала всю историю, которую поведала в тот вечер ее мать и которую я подслушала. О бабушке, привезенной в детстве из Африки и научившейся нашивать на лоскутные одеяла треугольники. О дереве душ Хетти говорила с благоговением.

– Я взяла из твоей комнаты шпульку ниток, – призналась Хетти, перед тем как спуститься вниз. – Она без дела лежала в ящике стола. Прости, я могу вернуть ее.

– О-о. Ладно, оставь себе, но прошу тебя, Хетти, больше ничего не кради, даже маленькие вещи. Это может очень плохо кончиться.

Когда мы спускались по лесенке, она сказала:

– Мое настоящее имя – Подарочек.

Подарочек

Матушка спустилась вниз прихрамывая. В каморке и кухонном корпусе она держалась, но, оказавшись во дворе, начинала приволакивать ногу, словно бревно. Тетка и прочие рабыни только головой качали, они считали это хитрой уловкой, о чем и заявляли без стеснения.

– Вот накажут вас стоянием на одной ноге, тогда и будете умничать, – отвечала им мама. – А пока помолчите.

Они и отстали. Замолкали при матушке, но, стоило ей уйти, снова судачили.

Теперь ее глаза постоянно пылали гневом. Иногда она срывалась на мне, но порой ее раздражительность служила во благо. Однажды я застала мать перед лестницей, она объясняла госпоже, насколько трудно ей карабкаться по лестнице в дом, к шитью, а также – в каморку над каретным сараем.

– Не беспокойтесь, как-нибудь справлюсь, – кротко добавила она после причитаний.

А после мы с госпожой наблюдали, как матушка, вцепившись в перила, тащится наверх, то и дело призывая Иисуса.

Вскоре госпожа заставила Принца прибраться в большой подвальной комнате со стороны, выходящей к ограде заднего двора. Слуга перетащил туда матушкину кровать и все ее пожитки, снял с потолка раму для одеял и прибил на новое место. Госпожа объявила, что теперь матушка будет заниматься шитьем в своей комнате, и повелела Принцу принести туда лакированный стол для шитья.

Подвальная комната была размером с три рабыи каморки. Со свежей побелкой и крошечным окном под потолком, в которое виднелись не облака, а кирпичи ограды. Тем не менее матушка сшила ситцевую занавеску. Еще она разжила картинками плывущих кораблей из какой-то ненужной книги и прикрепила их к стене. Также в новом хозяйстве нашлось крашеное кресло-качалка и ветхий туалетный столик, который мама накрыла салфеткой. На столик она поставила пустые цветные бутылки, коробку свечей, положила кусок сала и оловянное блюдо с кофейными зернами для жевания. Понятия не имею, откуда взялись эти припасы. На настенную полку матушка выложила все наши швейные принадлежности: коробку с лоскутками, мешочек с иглами и нитками, мешок побольше с набивкой для одеял, подушечку для булавок, ножницы, колесико для разметки, уголь, бумагу, измерительные ленты. Отдельно лежали мой латунный наперсток и красные нитки, стащенные из ящика мисс Сары.

Заселившись, можно сказать, во дворец, матушка пригласила Тетку и прочих прийти и помолиться за ее «бедное жалкое жилище». И вот вечером пожаловало много народу, чтобы посмотреть, насколько же оно «бедное и жалкое». Матушка предложила каждому кофейное зерно, позволила рассматривать комнату сколько душе угодно, показала, что дверь запирается на железный засов, продемонстрировала личный ночной горшок под кроватью. Учитывая, какой калекой она была, опорожнять этот горшок выпало мне. Матушка хорошо отыгралась на деревянной трости, которой как-то огрела ее госпожа.

Удалившись с вечеринки, Тетка плюнула на пол за дверью, и Синди, шедшая следом, сделала то же самое.

Самое приятное, что теперь я могла приходить к матушке, не выходя из дома. Едва ли не каждую ночь я, стараясь не скрипеть, кралась из Саринной комнаты по двум лестничным пролетам. Матушке нравился запор на двери. Если она в комнате, дверь наверняка заперта, а когда засыпала, мне приходилось подолгу стучать в дверь.

Матушку больше не заботило, что я покидала свой пост. Она, бывало, распахнет дверь комнаты, втолкнет меня внутрь и снова закроется. Я забиралась под одеяло и просила рассказать о дереве душ, требуя больше подробностей. Думая, что я уснула, она вставала и расхажи-

вала по комнате, вполголоса напевая песенку. В те ночи в ней просыпалось что-то темное и необузданное.

Сутки напролет она сидела в новой комнате с шитьем. Мисс Сара отпускала меня днем, разрешала оставаться с мамой до ужина. Около оконца ощущалось движение воздуха, но в целом в комнате было жарко, как в плавильной печи.

– Займись чем-нибудь, – говорила матушка.

Я научилась сметывать, собирать складки, плиссировать и вшивать клинья. Освоила разные швы. Научилась делать петли для пуговиц и вырезать выкройку по одним лишь меткам.

Тем летом мне исполнилось одиннадцать, и матушка сказала, что подстилка, на которой я сплю наверху, не годится даже для собаки. Мы должны были готовить очередную порцию одежды для рабов. Каждый год мужчины получали по две коричневые рубашки и две белые, две пары штанов, две жилетки. А женщины – по три платья, четыре фартука и по головному шарфу. Матушка сказала, что все это подождет. Она показала мне, как вырезать черные треугольники, каждый величиной с кончик моего большого пальца. Мы их около двух сотен пришили на красные – цвета бычьей крови – квадраты. Еще приладили крошечные желтые кружки – солнечные блики. Затем спустили раму для одеяла и собрали все вместе. Я сама притачала домотканую подкладку, и мы набили одеяло всем ватином и перьями, какие у нас были. Я отрезала прядь своих волос и прядь маминых и засунула внутрь в качестве талисмана. На это ушло шесть вечеров.

Матушка перестала красть, выбрав более безопасные «шалости». Она могла «забыть», что рукава платья госпожи сметаны на живую нитку, и один из них отрывался в церкви или где-нибудь еще. Матушка заставляла меня пришивать пуговицы, не делая узлов на нитке, и они в первый же вечер падали с груди хозяйки. Все слышали, как госпожа громко ругает матушку за нерадивость, а та голосит в ответ:

– Ой, госпожа, помолитесь за меня! Я хочу исправиться!

Не припомню всех пакостей, совершенных матушкой, – только те, что видела сама, – но их было достаточно. Она «случайно» разбивала фарфоровую чашку или статуэтку, стоявшую поблизости. Роняла и шла дальше. Завидев чайные подносы, поставленные Теткой в буфетную для подачи в гостиную, матушка бросала в чайник любую гадость – грязь с пола, шерсть с ковра, плевала туда. Я говорила мисс Саре, чтобы не притрагивалась к чаю.

* * *

В ожидании шторма воздух стал совершенно неподвижным. Все чего-то ждали, а чего именно – непонятно. Томфри сказал, что надвигается ураган, и принял жесткие меры. Принц с Сейбом закрыли все ставни в доме, спрятали рабочие инструменты в сарай и привязали животных. В доме мы убрали с пола на первом этаже ковры и отодвинули от окон хрупкие вещи. Госпожа приказала принести из кухонного корпуса запасы еды.

Ураган налетел ночью, когда я была с мамой в постели. Ветер завывал и швырял в дом сломанные ветки, в темноте шумели листья бесчисленных пальм, и, чтобы услышать друг друга, нам с матушкой приходилось кричать. Мы сидели на кровати и смотрели, как в окошко, заливая его края, хлещет дождь. К двери подступала вода. Чтобы отвлечься, я громко пела песню собственного сочинения.

Через воды и моря
Рыбы пусть везут меня.
Хоть и длинен водный путь,
Мне с дороги не свернуть.

Когда шторм наконец утих, мы опустили ноги на пол и поняли, что вода доходит нам до лодыжек. Матушкина комната воистину превратилась в «бедное жалкое жилище».

На следующий день был отлив, вода опустилась, и всех рабов позвали вычерпывать грязь из подвала. На заднем дворе в беспорядке валялись сучья, сломанные пальмовые листья, ведра, конский фураж, дверь уборной – все, что сорвал и разнес ветер. В ветвях раскидистого дуба повис обрывок корабельного паруса.

Закончив прибираться в матушкиной комнате, я решила посмотреть на парус на дереве. Он хлопал на ветру и выглядел странно. Земля под ветками была сплошь синеватой глиной. Я взяла палку и, глубоко вонзая ее в вязкую землю, вывела: «МАЛЫШ, ПОДУЙ В РОЖОК. ХЕТТИ». Я была довольна собой. Когда Тетка позвала меня в кухонный корпус, я быстро затерла слова носком ботинка.

До конца дня солнце высушило землю.

Следующим утром, когда мы с матушкой ждали в столовой молитвы, по коридору быстро прошла мисс Мэри, а за ней протрусила госпожа. Они направлялись к задней двери.

– Куда это они сорвались? – спросила матушка, опираясь на палку.

Выглянув в окно, мы увидели под дубом Люси, горничную мисс Мэри. На дереве по-прежнему висел парус, мисс Мэри провела госпожу через двор к Люси и указала на землю. Меня будто обдало горячей волной.

– На что они смотрят? – спросила матушка, глядя, как вся тройка наклонилась и уставилась на что-то под ногами.

Люси со всех ног бросилась к дому.

– Подарочек! Подарочек! – заорала она, подбежав ближе. – Госпожа велит тебе немедленно подойти.

Я пошла, хорошо зная, что меня ждет.

В глине спеклись мои слова, взятые из букваря. Размазанный сверху слой растрескался, и показались глубокие расщелины букв.

«МАЛЫШ, ПОДУЙ В РОЖОК. ХЕТТИ».

Сара

Минуло два дня после того, как ураган залил водой весь Ист-Бей до Митинг-стрит. Перед завтраком Бина постучала в мою комнату, в глазах ее читались страх и сострадание, и я поняла, что произошло нечто ужасное.

– Кто-нибудь умер? Отец...

– Нет, все живы. Ваш папенька просит вас в библиотеку.

Приглашение странно подействовало на меня: когда я подошла к туалетному столику, чтобы взглянуть на ленту в волосах, у меня даже колени подгибались.

– Что случилось? – Я поправила бантик, пригладила платье и взглянула на отражение служанки в зеркале.

– Мисс Сара, не знаю, чего он хочет, – покачала она головой, – но мешкать не стоит.

После чего приобняла меня за талию и увлекла из комнаты. В коридоре лежало новое лоскутное одеяло Хетти, будто пришипленное к полу множеством треугольников. Мы спустились по лестнице и задержались у двери библиотеки. Бина не стала повторять свое: «Бедная мисс Сара». Вместо этого сказала:

– Послушайте Бину. Не плачьте и не убегайте. Будьте молодцом.

Видимо, ее слова должны были приободрить, но они окончательно выбили меня из колеи. Я постучала в дверь, колени снова задрожали. Отец сидел за письменным столом, изучая стопку документов. Волосы его были напояжены и зачесаны назад.

Подняв лицо, он сурово взглянул на меня:

– Ты разочаровала меня, Сара.

Он настолько ошеломил меня, что ни плакать, ни бежать прочь я была не в состоянии.

– Я ни за что не стала бы намеренно вас разочаровывать, отец. Хочу только...

Он взмахнул рукой:

– Я позвал тебя, чтобы ты слушала. Молчи!

Сердце бешено колотилось в груди – вот-вот выскочит.

– Мне сообщили, что твоя служанка-рабыня научилась грамоте. Не вздумай отрицать. Она написала на земле двора несколько слов и даже не забыла имя подписать.

«Ох, Подарочек, нет!» Я отвела взгляд от суровых укоризненных глаз, пытаюсь представить, что произойдет дальше. Подарочек слишком беспечна. Нас разоблачили. Однако я поверить не могла, что отец посчитает умение читать непростительным прегрешением. Накажет меня как должно, и, без сомнения, по настоянию матери, а потом смягчится. В глубине души он, конечно, понимает, что ничего плохого я не сделала.

– Откуда, по-твоему, у нее это умение? – спокойно спросил он. – Снизлошло как гром среди ясного неба? Или она с ним родилась? Или настолько гениальна, что сама научилась читать? Разумеется, мы знаем, кто обучил девочку, – ты. Ты пренебрегла матерью, отцом, законами штата, даже своим пастором, который настойчиво предостерегал тебя. – Он встал с кожного кресла, подошел ко мне и остановился на расстоянии вытянутой руки. Потом заговорил более дружелюбно: – Я спрашиваю себя, как ты можешь не повиноваться с такой легкостью и неуважением к старшим. Думаю, причина в том, что ты избалованная девочка, не понимающая своего места в мире, и в этом отчасти моя вина. Я слишком снисходителен к тебе. Моя терпимость позволяет тебе переступать некие границы, как сейчас.

Меня охватил неведомый раньше ужас, я осмелилась заговорить, но горло сжал знакомый спазм.

– ...Простите, отец... – зажмурившись, с трудом произнесла я. – Я не хотела вас обидеть.

– Неужели?

Не заметив, что ко мне вернулось заикание, отец вышагивал по душной комнате, читал наставления, а с каминной полки на нас невозмутимо взирал мистер Вашингтон.

– Полагаешь, нет вреда в образованном слуге? В нашем мире есть печальные истины, и одна из них – в том, что читающие рабы представляют собой угрозу. Они будут в курсе новостей, которые могут спровоцировать их на действия, неподвластные контролю. Да, несправедливо лишать их знаний, но существуют другие ценности, которые следует защищать.

– ...Но, отец, это неправильно! – воскликнула я.

– У тебя хватает дерзости возражать мне даже сейчас? Нужно было привести тебя в чувство сразу после документа об освобождении Хетти, оставленном у меня на столе, но я продолжал нянчиться с тобой. Подумал, что ты, увидев разорванную бумагу, поймешь: Гримке не разрушают правил и законов, по которым живут, даже если не согласны с ними.

Мне было неловко. Какая же я глупая! Мою вольную грамоту разорвал отец. Отец!

– Пойми меня правильно, Сара. Я буду защищать наш образ жизни и не потерплю бунта в собственной семье!

Когда во время застольных дебатов я высказывалась против рабства и отец с улыбкой поощрял меня, я думала, он оценивает по достоинству мою позицию. Разделяет ее. Но сейчас меня осенило: я была ручной обезьянкой, пляшущей под аккордеон хозяина. Отец веселился. Или, быть может, поощрял мои оппозиционные взгляды только потому, что они помогали остальным отстаивать свою позицию. Или терпел их, поскольку споры заменяли устные упражнения, помогающие дочери преодолеть заикание?

Отец скрестил руки на белой рубашке и вперил в меня взгляд из-под кустистых бровей. В ясных карих глазах не было сострадания, и в тот момент я впервые разглядела отца таким, каким он был: человеком, для которого принципы превыше любви.

– Ты в буквальном смысле совершила преступление, – сказал он и вновь зашагал, медленно описывая вокруг меня широкий круг. – Я не стану тебя наказывать надлежащим образом, но урок преподнесу, Сара. С сегодняшнего дня тебе запрещается входить в эту комнату. Ты не должна переступать ее порог ни днем ни ночью. Ты лишаешься доступа к этим книгам, а также ко всем другим, кроме тех, что выдает мадам Руфин.

«Никаких книг! Господи, прошу Тебя». У меня подкосились ноги, и я упала на колени.

Отец продолжал кружить:

– Ты не будешь изучать ничего, кроме предметов, одобренных мадам. Никаких занятий латынью с Томасом. Не будешь ни писать на ней, ни говорить, ни сочинять. Понятно?

Я просительно подняла руки:

– ...Отец, умоляю вас... П-п-пожалуйста, не отнимайте у меня книг... Я этого не вынесу.

– Тебе не нужны книги, Сара.

– ...От-тец!

Он вернулся к письменному столу:

– Мне больно видеть, как ты расстраиваешься, Сара, но пути назад нет. Постарайся не принимать все так близко к сердцу.

Из окна доносился грохот подвод и экипажей, крики уличных торговцев. Коммерция жила, невзирая ни на что. За дверью библиотеки ждала Бина, она взяла меня за руку и отвела по лестнице к двери моей комнаты:

– Сейчас принесу вам завтрак.

Она ушла, а я заглянула под кровать, где хранила грифельную доску и букварь. Все исчезло. Книги с письменного стола тоже пропали. Мою комнату обыскивали.

И только когда Бина вернулась с подносом, я догадалась спросить:

– ...А где Подарочек?

– О, мисс Сара, то-то и оно. Ее собираются наказать.

* * *

Не помню, как слетела с лестницы.

– Только одна плеть! – кричала вслед Бина. – Госпожа сказала, одна плеть. И больше ничего.

Я распахнула заднюю дверь, оглядела двор. Тощие руки Подарочка привязаны к перилам крыльца кухни, в десяти шагах от нее, уставившись в землю, застыл Томфри с плетью. Шарлотта стояла в колее, пролегающей от каретного сарая к задним воротам, остальные рабы сгруппировались под дубом.

Томфри поднял руку.

– Нет! – завизжала я. – Нееет!

Он неуверенно повернулся ко мне с облегчением на лице.

Потом раздался стук материнской трости по стеклу верхнего окна, и Томфри поднял усталые глаза. Кивнув, он опустил плеть на спину Подарочка.

Подарочек

Томфри сказал, что старался не бить изо всех сил, но от удара у меня содралась кожа. Мисс Сара сделала примочку из бальзама на основе рома господина Гримке, а матушка протянула мне фляжку:

– На, выпей.

Я почти не помню боли.

Рана зарубцевалась быстро, а вот обида мисс Сары разгоралась все сильнее. Она опять стала заикаться и очень тосковала по книгам. Несчастливая девочка!

Это Люси наболтала мисс Мэри о моей писанине под деревом, а мисс Мэри побежала жаловаться госпоже. Я всегда считала Люси глупой, но она просто хотела угодить мисс Мэри. Я так и не простила ее и не знаю, простит ли мисс Сара свою сестру, потому что эти кляузы изменили жизнь моей юной госпожи. С ее занятиями было покончено.

Наши уроки чтения тоже прекратились. У меня была сотня слов, но, пошевелив мозгами, я могла прочесть гораздо больше. Время от времени я повторяла алфавит для матушки и читала ей слова с картинок, прикрепленных на стену.

* * *

Однажды я пришла в подвал и увидела, что матушка шьет детскую распашонку из муслина с сиреневыми ленточками.

– Да, на подходе новый Гримке, – сказала она, заметив удивление на моем лице. – Где-то зимой ожидается. Госпожа не рада. Я слышала, как она говорила хозяину, что это будет последний ребенок.

Закончив подрубать маленькую распашонку, матушка порылась в мешке из рогожи и вытащила небольшую пачку чистой бумаги, чернильницу и гусиное перо. Я знала, что все это она украла.

– Зачем ты продолжаешь воровать?

– Хочу, чтобы ты кое-что написала. Пиши: «Шарлотта Гримке имеет разрешение на перемещение». Ниже поставь месяц, оставь место для числа и подпишись «Мэри Гримке» с какой-нибудь завитушкой.

– Прежде всего я не знаю, как писать «Шарлотта». И не знаю слова «разрешение».

– Тогда напиши: «Этой рабыне можно перемещаться».

– Зачем тебе понадобилась такая бумага?

Она улыбнулась, обнажив щель в передних зубах:

– Эта рабыня собирается странствовать. Но не волнуйся, она всегда будет возвращаться.

– Что ты собираешься делать, когда тебя остановит белый и попросит пропуск? И догадается, что его написал ребенок.

– Тогда постарайся написать не как ребенок.

– А как ты перелезешь через стену?

Матушка подняла взгляд к окну под потолком, которое было не больше шляпной коробки. Я понятия не имела, как она в него протиснется, но, если понадобится, намажется гусиным жиром. Я написала матушке пропуск, потому что ей страшно хотелось его получить.

После этого она стала пропадать на один или два вечера в неделю. Уходила ранним вечером и возвращалась затемно, не объясняя, где была. Не говорила, как выбиралась со двора и как попадала во двор. Правда, мысленно я проследила ее маршрут. Расстояние между стеной дома и оградой напротив оконца – не больше двух футов. Протиснувшись в окно, она могла прислониться спиной к стене дома, а ногами упереться в ограду и залезть на нее, после чего прыгнуть на землю с другой стороны.

Обратный путь – другой. Лежит он, вероятно, через задние ворота, в которые въезжали и выезжали экипажи. Матушка возвращалась, когда было безопасно и темно, и могла незамеченной взобраться на подножку. И всегда приходила до барабанного боя, возвещающего комендантский час. Я с ужасом представляла, как она где-то там скрывается от городской стражи.

Однажды, когда мы дошивали одежду для рабов, я высказала свои соображения о том, как она днем вылезала из окна, а в темноте возвращалась через ворота.

– Ну разве ты не умница! – ответила мать.

Краем сознания я представляла ее с ремнем, затянутым вокруг лодыжки и накинута на шею.

– Не делай этого больше, – взволнованно упрасивала я. – Пожалуйста. Ладно? Тебя могут поймать.

– Знаешь что, в твоих силах мне помочь. Если кто-нибудь здесь хватится меня, поставь ведро рядом с цистерной, чтобы я увидела его от задних ворот. Сделаешь это для меня?

Я испугалась еще больше:

– А если ты его увидишь, что сделаешь – убежишь? И бросишь меня?

Я расплакалась.

Она погладила мои плечи, как делала всегда:

– Подарочек, детка. Я скорей умру, чем брошу тебя, ты же знаешь. Если замечу ведро у цистерны, буду предупреждена об опасности, вот и все.

* * *

У белых вновь начался светский сезон, и мы с матушкой не успевали справляться со всеми платьями и сюртуками. Вдобавок она без разрешения нанялась работать на стороне. Я узнала об этом после ужина, когда мы стояли посредине заднего двора. Мисс Сара весь день была не в духе, и я подумала, что больше всего на свете меня волнуют две вещи: подавленное состояние Сары и мамины вылазки через окно. Но тут матушка достала из кармана жетон раба. Нанимая раба, хозяин должен купить у города жетон, а я знала, что господин Гримке таковых не покупал. Заиметь поддельный жетон – это хуже, чем украсть зеленый хозяйкин шелк.

Я рассматривала его – маленький медный прямоугольник с отверстием в верхней части, чтобы можно было крепить к одежде. И выгравированные слова. Я долго пыталась произнести их, пока наконец не получилось: «При-слу-га».

– Прислуга! – воскликнула я. – Номер сто тридцать три. Тысяча восемьсот пятый год. Где ты его взяла?

– Все это время я ведь не бездельничала, а искала работу.

– Но у тебя здесь столько работы, что и вдвоем не справиться.

– И я за нее ничего не получаю, так ведь? – Она забрала жетон и опустила в карман. – У Тома, раба Рассела, есть своя кузня на Ист-Бей. Госпожа Рассел разрешает ему работать по найму весь день и забирает только три четверти заработка. Он сделал мне жетон, скопировал с настоящего.

Я была одиннадцатилетним ребенком, но сразу поняла, что кузнец не просто какой-то добряк, оказавший услугу. Зачем ему рисковать?

– Я собираюсь шить капоры, платья и лоскутные одеяла для леди с Куин-стрит, госпожи Аллен, – сообщила матушка. – Сказала, что меня зовут Перл и я рабыня массы Дюпре, который живет на углу Джордж-стрит и Ист-Бей. Она спросила: «Ты имеешь в виду французского портного?» И я ответила: «Да, мэм, он теперь не загружает меня и отпускает работать по найму».

– А вдруг она проверит твою историю?

– Не станет старая вдова ничего проверять. Сказала только: «Покажи жетон». – Матушка гордилась жетоном и собой. – Госпожа Аллен будет платить мне за каждую вещь. Ее две дочери хотят, чтобы я шила одежду их детям.

– Как ты собираешься справляться со всей этой работой?

– У меня есть ты. И ночные часы.

Матушка жгла так много свечей, работая в темноте, что прирастилась тащить их из любой комнаты, где бы ни оказывалась. Глаза ее начали косить, а кожа вокруг них собиралась мелкими морщинками. Она изматывалась, но душа ее успокоилась.

Матушка приносила деньги домой и засовывала в мешок из рогожи. Я днем и ночью помогала ей с шитьем – в любую минуту, когда не прислуживала мисс Саре. Приготовив заказы для вдовы, матушка вылезет, бывало, из окна и отнесет свертки к ее двери, где получит ткань для нового заказа. Потом дождется темноты и прошмыгнет в задние ворота. Дни были длинными, и опасный бизнес процветал.

* * *

Однажды теплым январским вечером госпожа послала Синди в подвал за матушкой – на новом хозяйском платье не держались розетки – и, разумеется, матушка была в это время за оградой. Уходя, она не запирала засов, понимая, что, если не ответит на стук, госпожа заставит Принца снять дверь с петель. И как она объяснила бы пустую комнату, запертую изнутри?

Весть о пропавшем рабе разлетается молниеносно. Когда я услышала новость, сердце ушло в пятки. Госпожа колокольчиком созвала всех во двор к задней двери.

– Если вы знаете, где сейчас Шарлотта, то обязаны мне сказать, – изрекла она, положив руки на большой живот.

Ни звука. Госпожа устремила взор на меня:

– Хетти! Где твоя мать?

Пожав плечами, я сделала вид, что озадачена:

– Понятия не имею, госпожа. Сама хотела бы знать.

Госпожа приказала Томфри обыскать кухонный корпус, прачечную, каретный сарай, конюшню, сарай для инструментов, уборную и комнаты рабов. Велела прочесать каждый уголок во дворе и даже наклонный желоб, по которому лошадям подавалось сено. Сказала, что, если матушка не отыщется, Томфри придется сверху донизу обшарить дом, веранду и декоративный сад.

Госпожа позвонила в колокольчик, призывая вернуться к работе. Я заспешила в комнату матушки – проверить мешок из рогожи. Деньги были на дне, под набивкой. Потом я прокралась на улицу и поставила рядом с цистерной ведро. Солнце спускалось с небес, окрашивая их в цвета абрикоса.

Томфри занимался поисками, а я заняла позицию в переднем эркере второго этажа и ждала. Начало смеркаться, я выглянула в окно и увидела, как матушка поворачивает за угол. Она направилась прямо к парадной двери и постучала.

Я бросилась вниз по лестнице и оказалась у входа одновременно с дворецким. Он открыл, и матушка сказала:

– Дам тебе полдоллара, если вступишь меня. За тобой должок, Томфри.

Через миг она стояла на площадке, Томфри запер дверь. Я обвила шею мамы руками.

– Скорей, что мне делать? – спросила она у дворецкого.

– Некуда тебя спрятать, – ответил он. – Госпожа заставила меня обыскать каждый уголок.

– Но только не крышу, – вставила я.

Томфри проверил, нет ли кого, а я отвела матушку на чердак, показала ей лесенку и люк.

– Когда они придут, скажи, что было очень тепло, ты пришла сюда посмотреть на гавань, легла и уснула.

Тем временем Томфри объяснял госпоже, что забыл при поисках о крыше и точно знает – Шарлотта один раз там бывала.

Госпожа, тяжело дыша, ждала с тростью у подножия чердачной лестницы. Я притаилась у нее за спиной и дрожала от возбуждения.

Матушка, поеживаясь и рассказывая вздорную историю моего сочинения, спускалась по лестнице.

– Я считала тебя не такой тупой, как прочие, Шарлотта, – сказала госпожа, – но ты меня разочаровала. Заснуть на крыше! Ты могла свалиться на улицу. Крыша! Чтоб ты знала, это абсолютно запрещенное место. – Госпожа подняла трость и опустила ее на матушкин затылок. – Отправляйся к себе в комнату, а утром после молитвы нашьешь розетки на мое новое платье. Ты стала очень небрежно шить.

– Да, мэм.

Матушка поспешила к лестнице, помахав мне рукой. Может, госпожа и заметила, что матушка обходится без палки и не хромает, но ничего не сказала.

Когда мы вошли в подвал, матушка закрыла дверь и задвинула засов. Меня трясло, но она была само спокойствие.

– Я необыкновенная женщина, а ты необыкновенная девочка, – сказала она, потеряв затылок, – и мы не станем распаркиваться перед этой бабой.

Сара

Мысль о пополнении семейства не радовала. Запершись в своей комнате, я предалась унынию. Характер беременной матери совсем испортился, что, разумеется, никому не нравилось. Нехитрые арифметические вычисления настроения не добавили – из последних двадцати лет мать десять проходила беременной. Ради всего святого!

Скоро мне исполнится двенадцать. Я стояла на пороге девичества, и я хотела замуж – правда хотела, – но подобные цифры ошеломяли и отвращали от будущей женской доли, особенно после того, как у меня отняли книги.

Со дня отцовского нагоняя я выходила из комнаты только для трапезы, уроков мадам Руфин три раза в неделю и церкви по воскресеньям. Компанию мне составляла Подарочек, задавая вопросы, ответы на которые ее не интересовали, поскольку она лишь хотела развлечь меня. Она одна наблюдала мои робкие попытки вышивания и сочинения рассказов о девочке, оказавшейся на необитаемом острове на манер Робинзона Крузо. Мать требовала, чтобы я поборола хандру и перестала замыкаться. Я пыталась, однако мое отчаяние лишь росло.

Мать пригласила нашего врача, доктора Геддингса, а тот, тщательно осмотрев меня, заключил, что я страдаю от сильной меланхолии. Я подслушала у двери, когда он говорил матери, что никогда не наблюдал этого заболевания у столь юного пациента, мол, подобного рода психоз случается у женщин после рождения ребенка или после прекращения менструаций. Он назвал меня легковозбудимой, темпераментной девушкой со склонностью к истерии, и это якобы явствовало даже из моей речи.

Вскоре после Рождества я проходила мимо приотворенной двери в комнату Томаса и заметила на полу открытый чемодан. Мысль о его отъезде была невыносимой, но еще обидней знать, что он уезжает в Нью-Хейвен осуществлять мою мечту, которая никогда не исполнится. В приступе зависти к его блестящему будущему я бросилась в свою комнату, чтобы выплакать горе. Оно изливалось черными волнами, и мое отчаяние, казалось, достигло предела, перерастая в то, что я сейчас называю выстраданной надеждой.

Все в конце концов проходит, даже жестокая меланхолия. Я выдвинула ящик стола и достала шкатулку из лавы с пуговицей. С грустью взглянув на нее, я почувствовала, что смогу воспрянуть духом и проявить волю. Я не сдамся. Пусть ошибусь, но дерзну. Я всегда так поступала.

* * *

Мое дерзкое выступление разразилось на прощальном вечере в честь Томаса, устроенном в гостиной второго этажа в день Богоявления. Всю неделю я ловила на себе взгляды отца,

который иногда улыбался мне через обеденный стол. Его рождественский подарок – гравюру с изображением Аполлона и муз – я воспринимала как изъявление любви и стремление к примирению. Этим вечером отец беседовал с Томасом, Фредериком и Джоном, приехавшим из Йеля. Все мужчины были в черных шерстяных сюртуках и полосатых жилетках разных расцветок. Отец – в светло-желтой. Сидя с Мэри за раскладным столом, я наблюдала за ними, мечтая узнать, о чем они спорят. Анна и Элиза, которых пускали на праздники, сидели на ковре перед каминным экраном, вцепившись в рождественских кукол, а Бен, расставив для битвы новеньких деревянных солдатиков, через каждые десять секунд вопил: «В атаку!»

Мама прилегла на принесенную из ее спальни кушетку из розового дерева, обитую красным бархатом. Я наблюдала пять маминых беременностей, и эта была самой трудной. Она растолстела до гигантских размеров. Даже лицо у бедняжки опухло. Тем не менее мать тщательно подготовилась к торжеству. Комната сияла огнями свечей и ламп, их блики отражались в зеркалах и позолоте. В соответствии с цветами Крещения столы были застелены белыми льняными скатертями с дорожками из золотой парчи. Прислуживали Томфри, Снежок и Эли, в темно-зеленых ливреях, таская подносы с крабовыми пирожками, креветками, телятиной, жареным мерлангом и суфле.

Ко мне вернулся отменный аппетит, и я занялась едой, прислушиваясь к гулу голосов на другом конце стола. Говорили о переизбрании мистера Джефферсона, о том, есть ли шанс у мистера Мериуэзера Льюиса и мистера Уильяма Кларка достичь Тихоокеанского побережья. И самое важное: что сулит Югу отмена рабства в северных штатах, совсем недавняя – в Нью-Джерси? *Отмена по закону?* Я ничего об этом не слышала и вытягивала шею, ловя каждое слово. Значит, северяне считают, что Бог против рабства?

Обед закончился любимым десертом Томаса – миндальным печеньем и миндальным мороженым, после чего отец постучал ложкой по хрустальному бокалу, прося тишины. Он пожелал Томасу успехов и подарил ему «Опыт о человеческом разуме» Локка. Мама разрешила нам с Мэри выпить по полбокала вина, мой первый опыт. Я с завистью смотрела на книгу в руках Томаса.

– Кто хочет сказать что-нибудь Томасу? – оглядывая лица сыновей, спросил отец.

Старший, Джон, тербил край жилетки, а я, шестой по счету ребенок и вторая дочь, вскочила на ноги и произнесла речь:

– ...Томас, дорогой мой брат, я буду скучать по тебе... Пусть Господь поможет тебе в твоих занятиях... – Я помолчала, набираясь смелости. – Однажды я пойду по твоим стопам... Стану юристом.

Когда к отцу вернулся дар речи, он заговорил насмешливо:

– Неужели меня обманывает слух? Ты сказала, что последуешь за братом в зал суда? – Джон захихикал, а Фредерик открыто захохотал; взглянув на них, отец с улыбкой продолжил: – Разве бывают женщины-юристы? Если да, малышка, просвети нас.

Они веселились вовсю, даже Томас засмеялся.

Я пыталась ответить, не понимая, что они не принимают меня всерьез и что вопрос отца адресован братьям.

– ...Разве не будет большим достижением, если я стану первой?

Теперь насмешливость отца обернулась раздражением.

– Не будет никакой первой, Сара. А если такая абсурдная вещь и произойдет, то не с моей дочерью.

Но я упрямо продолжала:

– ...Отец, вы будете мной гордиться. Я сделаю все на свете.

– Сара, прекрати говорить чепуху! Ты позоришь себя. Позоришь всех нас. С чего ты вообще взяла, что можешь изучать право?

Я не сдавалась, какая-то упрямая частичка меня не желала сдаваться.

– ...Вы говорили, я стану великим юристом...

– Будь ты мальчиком!

Я бросила взгляд на Анну и Элизу, сестры таращились на меня во все глаза, а Мэри даже не посмотрела в мою сторону.

Я повернулась к Томасу:

– ...Пожалуйста... помнишь... ты сказал, что я должна стать юристом?

– Сара, прости, но отец прав.

Его слова доконали меня.

Отец жестом руки закрыл тему. Их компания отвернулась от меня и возобновила беседу. Я услышала, как меня тихонько зовет мама. Она уже не лежала, а сидела прямо и глядела сочувствующе.

– Можешь идти в свою комнату, – велела она.

Я выскользнула прочь, как провинившийся ребенок. На полу около моей двери, на красных квадратах и черных треугольниках, свернулась калачиком Подарочек.

– Я зажгла лампу и подбросила дров в камин, – сказала она. – Вам помочь с платьем?

– ...Нет, оставайся на своем месте, – хмуро бросила я.

Она робко меня рассматривала:

– Что случилось, мисс Сара?

Не в силах ответить, я вошла в комнату и закрыла дверь. Села на банкетку перед туалетным столиком. Я чувствовала себя опустошенной, но слез не было. Никаких эмоций, лишь сосущее чувство под ложечкой.

Через минуту послышался легкий стук в дверь. Думая, что это Подарочек, я собрала последние капли энергии:

– ...Ты мне сейчас не нужна.

Грузно покачиваясь, вошла мама.

– Печально было видеть, как рушатся твои надежды, – сказала она. – Отец и братья проявили жестокость, но, думаю, ты их не только позабавила, но и удивила. Адвокат Сара? Идея нелепая, и ты меня расстраиваешь.

Мать положила ладонь на живот и прикрыла глаза, словно загораживаясь от толчка локтем или ногой. Мягкость голоса, само ее присутствие в моей комнате говорили о том, что она переживает за меня и все же, казалось, оправдывает их нечуткость.

– Отец считает тебя немного ненормальной, с твоей тягой к книгам и дерзкими устремлениями, но он ошибается.

Я взглянула на мать с удивлением. В ней не осталось высокомерия, зато появилось сострадание, которого я не замечала прежде.

– Каждая девочка приходит в этот мир со своими амбициями, даже если это всего лишь желание не принадлежать мужу душой и телом. Можешь не верить, но и я была когда-то девочкой.

Передо мной стояла незнакомая женщина, без защитной брони от обид прожитой жизни, но потом она заговорила вновь, и я узнала маму.

– Суть в том, – сказала она, – что следует выбивать честолюбие из каждой девочки для ее собственного блага. Ты необычна только в решимости сопротивляться неизбежному. Ты воспротивилась, и вот что из этого вышло – тебя объездили, как норовистую лошадку. – Мама наклонилась и обняла меня. – Сара, милая, ты стойко боролась, но придется подчиниться долгу и судьбе и постараться стать счастливой.

Я почувствовала одутловатую кожу ее щеки, и мне захотелось прильнуть к ней и в то же время оттолкнуть. Я смотрела, как она уходит, и поняла, что дверь оставалась приоткрытой. Наверное, Подарочек все слышала. Эта мысль успокоила меня. Нет такого страдания на земле, которое не заслуживало бы благосклонного свидетеля.

Когда появилась Подарочек и взглянула на меня огромными добрыми глазами, я вынула из ящика лавовую шкатулку, достала серебряную пуговицу и бросила в стоящее у камина ведро для золы, где она исчезла под серым и белым пеплом.

* * *

На следующий день гостиную второго этажа прибрали для маминых родов. Здесь в окружении Бины, Тетки, доктора Геддингса, нанятой кормилицы и двух кузин она родила шестерых детей. Вряд ли мать допустит меня к себе, но за неделю до родов она разрешила мне навестить ее.

Стоял морозный февральский день. На небе собирались зимние облака, и по всему дому потрескивали и шипели горящие камины. Гостиная освещалась лишь огнем одного из них. Мама, которой неделю назад минуло сорок, с несчастным видом распростерлась на кушетке рекамье.

– Надеюсь, ты не с проблемами пришла ко мне, потому что у меня нет сил с ними разбираться, – проговорила она опухшими губами.

– ...У меня к тебе просьба.

Она приподнялась и потянулась к чашке на чайном столике:

– Какая? Она не может подождать?

Я пришла с подготовленной речью и настроилась решительно, но сейчас разволновалась. Прикрыв глаза, задумалась о том, как заставить ее понять.

– ...Боюсь, ты сразу мне откажешь.

– Ради всего святого, почему?

– ...Моя просьба не совсем обычная... Я хочу быть крестной матерью нового ребенка.

– Что ж, ты права – необычная просьба. Об этом не может быть и речи.

Ожидаемый ответ. Я опустила перед матерью на колени:

– ...Мама, умоляю тебя... Я потеряла все самое дорогое. То, что считала целью жизни, надежду на образование, книги, Томаса... Даже отец кажется для меня потерянным. Пожалуйста, не отказывай мне в этом.

– Но, Сара, крестная мать ребенка? Подумать только! Это ведь не игрушка. В твоих руках окажется духовное благополучие ребенка. Тебе двенадцать. Что скажут люди?

– ...Этот ребенок станет главным в моей жизни... Ты сказала, я должна отказаться от амбиций... Ты наверняка одобришь любовь к ребенку и заботу о нем... Прошу тебя, если ты меня любишь...

Опустив голову к ней на колени, я смогла выплакать слезы, которых не было на прощальном вечере в честь отъезда Томаса, да и после тоже.

Мама положила ладонь мне на затылок. Наконец успокоившись, я заметила влагу в ее глазах.

– Хорошо. Будешь крестной матерью ребенка, но смотри не подведи.

Поцеловав мамину руку, я выскользнула из комнаты, чувствуя, что обрела утерянную частичку самой себя.

Подарочек

Я обматывала красную нитку вокруг ствола раскидистого дуба, пока та не закончилась. Матушка за мной наблюдала. Это я придумала сделать дерево душ, как у бабушки. Видно было, что матушка просто мне потакает. Она обхватила себя руками, изо рта у нее шел пар.

– Готово? – спросила она. – Зябко, на небе голубая луна.

Такие холода редкость в Чарльстоне. Обледеневшие окна, попоны на спинах лошадей, Сейб и Принц целыми днями до темноты рубят дрова. Взглянув на матушку, я расстелила на земле красно-черное лоскутное одеяло, под голыми ветвями оно выделялось ярким пятном.

– Сначала мы встанем на колени и отдадим дереву души. Я хочу, чтобы мы проделали это, как моя бабушка.

– Хорошо, так и сделаем, – согласилась матушка.

Мы опустились на колени и уставились на дерево, соприкасаясь рукавами пальто. Затвердевшую землю усеяли желуди, и сквозь квадраты и треугольники струился холод. На нас снизошел покой, я закрыла глаза. Засунув руку в карман, я поглаживала кончиками пальцев серебряную пуговицу мисс Сары. На ощупь она была как кусочек льда, я выудила ее, выброшенную, из ведра с золой. Жаль, что хозяйке пришлось отказаться от ее плана, но это не означало, что надо выкидывать отличную вещь.

Матушка заерзала коленями по одеялу. Она мечтала поскорей покончить с деревом душ, а мне хотелось продлить эти минуты.

– Расскажи снова, как вы с бабушкой это делали.

– Ладно. Мы так же опустились на одеяло, и она сказала: «Отдаем свои души дереву, чтобы сберечь их, чтобы они жили с птицами и научились летать». Потом просто отдали ему души.

– Вы что-нибудь почувствовали?

Матушка натянула шарф на замерзшие уши, пытаясь скрыть улыбку.

– Дай вспомнить. Ага, я ощутила, как моя душа вылетает отсюда. – Она прикоснулась к груди. – Унеслась, словно легкое дуновение ветра. Я посмотрела на ветку и не увидела ее, но знала, душа глядит на меня сверху.

Матушка все выдумала, но это было не важно. Я думала, почему бы подобному не случиться теперь?

– Отдаю дереву свою душу, – сообщила я.

Матушка повторила за мной. Потом прибавила:

– После того как твоя бабка сделала наше дерево душ, она сказала: «Если ты уедешь отсюда, заberi свою душу с собой». Потом собрала желудей, веточек и листьев и положила их в мешочки, чтобы носить на шее.

И вот мы с матушкой набрали желудей, веток и желтых обрывков листьев. Все это время я вспоминала о дне, когда госпожа подарила меня мисс Саре и как матушка сказала: «С этого момента тебе придется несладко, Подарочек».

Пролетел год. Мисс Сара стала моим другом. Я научилась читать и писать, но, как матушка и говорила, путь оказался трудным, и я не знала, что с нами будет дальше. Мы могли бы всю оставшуюся жизнь света белого не видеть, но матушка нашла в себе силы не склонять голову.

Часть вторая

Февраль 1811 – декабрь 1812

Сара

Я сидела перед зеркалом в своей комнате, а Подарочек и шестилетняя Нина заплетали в косы мой конский хвост, чтобы потом сложить веночек на затылке. Чуть раньше я натерла лицо солью и соком лимона – раствор, которым мама удаляла чернильные пятна. Мои веснушки посветлели, но не исчезли, и я взялась за пуховку с пудрой.

Стоял февраль, пик светского сезона в Чарльстоне, и всю неделю на столике у парадной двери копились визитные карточки и приглашения. Из них мама выбирала самые изысканные и интересные. Сегодня нас ждет вечер вальса.

Меня вывели в свет два года назад, в шестнадцать лет. Я окунулась в шумную круговерть балов, чаепитий, музыкальных салонов, скачек и пикников, а это, если верить маме, означало, что для меня распахнулись двери в ослепительную светскую жизнь Чарльстона и началась настоящая женская жизнь. Иными словами, мне пора искать мужа. Насколько знатным и богатым окажется супруг, полностью зависит от привлекательности моего лица, грациозности фигуры, обаяния при общении, а также мастерства портнихи. Впрочем, несмотря на золотые руки моей швеи, я входила в эти блистающие двери, как агнец на заклание.

– Посмотри, что ты здесь натворила, – сказала Подарочек Нине, которая превратила доставшийся ей пучок волос в подобие крысиного гнезда.

Подарочек с трудом расчесала спутанные пряди, разделила их на три равные части и сообщила, что две из них – это кролики, а одна – бревно. Нина, надувшая было губы, оживилась в предвкушении игры.

– Теперь гляди, – сказала Подарочек. – Один кролик скачет под бревном, а другой – над. Пусть они так и прыгают у тебя. Смотри, как надо заплетать косу – хоп вверх, хоп вниз!

Нина завладела кроликами и бревном и соорудила вполне сносную косу. Мы с Подарочком охали и ахали, словно она изваяла флорентийскую статую.

Этот зимний вечер был столь похож на многие другие – комната, освещенная лампой, горящий камин, подступающие к окнам ранние сумерки, – а надо мной хлопочут за туалетным столиком две подружки.

У моей сестры и крестницы Ангелины – сокращенно Нина – карие глаза, темные волосы и ресницы. Ее лицо – нежный овал с тонкими чертами, какими природа одарила и нашу Мэри. Моя драгоценная Нина поразительно красива. К тому же она отличалась живым умом и бесстрашием. Верила, что может все, – и я всеми силами старалась поощрять ее желания, несмотря на то что собственные устремления закончились крахом.

Моя мечта стать юристом упокоилась на «кладбище несбывшихся надежд», хорошо знакомом всем женщинам. Печаль притупилась, но осталось сожаление, и я часто спрашивала себя: возможно, парки проявят больше доброты к *другой* девочке? Ребенком помню, что на верхней площадке лестницы висел этюд в рамке с изображением трех парок, они пряли, отмеривали и отрезали нити жизни, не спуская с меня внимательных глаз. Я не сомневалась, что вершительницы судеб враждебны ко мне, но это не означало, что они так же обойдутся с любимой сестрой.

Когда-то я поклялась матери, что Нина станет смыслом моей жизни, и сдержала слово. Благодаря ей я обрела плавную речь и целостную душу. Я проживала через нее часть своей

жизни, и наши личности воистину подчас сливались в одну, не было человека, который любил бы Нину больше меня. Она стала моим спасением, и, надеюсь, я отплачу ей тем же.

Едва начав говорить, Нина называла меня мамой. Это вышло само собой, я не останавливала ее, но и не поощряла перед настоящей матерью. С колыбели я внушала сестричке, что рабство – это зло. Учила девочку всему, что знала и во что верила. Мать догадывалась, что я воспитываю Нину по своему образу и подобию, но не представляла, в какой степени.

Покончив с косичкой, Нина забралась ко мне на колени и принялась упрашивать:

– Не уходи! Останься со мной.

– О, мне придется, ты же знаешь. Бина уложит тебя спать. – Нина скривила губы, и я добавила: – Если не будешь хныкать, позволю подобрать для меня платье.

Нина мигом соскочила с моих колен и бросилась к шкафу. Она выбрала мой самый роскошный наряд – платье из бордового бархата с тремя атласными вставками спереди, каждая из которых украшена аграфом с алмазной крошкой. Великолепное творение Подарочка. В свои семнадцать лет она слыла прекрасной швеей, превосходящей даже свою мать. Она теперь шила большинство моих нарядов.

Подарочек поднялась на цыпочки, чтобы достать платье, и я заметила, насколько она физически неразвита – тело гибкое и худое, как у мальчика. Она не доросла и до пяти футов и никогда не дорастет. Но ее глаза зачаровывали. Однажды я услышала, как друг Томаса назвал ее хорошенькой желтоглазой негритяжкой.

Мы с ней не были так близки, как в детстве. Возможно, виной тому моя поглощенность Ниной или дополнительные обязанности Подарочка как начинающей швеи. Или мы просто достигли того возраста, когда пути расходятся сами собой. Но все равно мы подруги, говорила я себе.

С платьем в руках она прошла мимо камина, и я заметила, как насуплены ее брови, это часто бывало в последнее время, словно, прищуривая глазки, она отгораживалась от мира. Казалось, Подарочек стала более остро ощущать жизненные рамки, чувствовать, что наступил некий час расплаты. На прошлой неделе по пустяковой причине мать непустила ее на базар, и Подарочек очень расстроилась. Походы на рынок были для нее главным событием.

– Мне жаль, Подарочек, – желая подбодрить, сказала я. – Понимаю, что ты чувствуешь.

Мне казалось, я действительно понимаю, каково это – когда твою свободу ограничивают, но она вдруг взорвалась:

– Так мы с тобой равны, оказывается? Вот почему ты испражняешься в горшок, а я выношу его?

Ее слова ошеломили меня, и я, пряча обиду, отвернулась к окну. Шумно дыша, она вылетела из комнаты и в тот день не приходила. На эту тему мы больше не заговаривали.

И вот сейчас она помогла мне надеть платье поверх корсета, который я зашнуровала как можно свободнее. Я не была полной и не считала нужным затягиваться по самое не могу. Застегнув платье, Подарочек прикрепила на мою макушку черную мантилью, а Нина подала черный кружевной веер. Я раскрыла его и плавной походкой прошла по комнате.

Выписывая пируэты, я не заметила, как в комнату вошла мама. От неожиданности я наступила на подол платья, чуть не упав, – сама грация.

– Надеюсь, у миссис Элстон ты не будешь столь неповоротлива, – сказала мать.

Она стояла, опираясь на трость. К сорока шести годам плечи ее ссутулились, как у старушки. Уже год от случая к случаю она рассказывала мне о тяжелой доле старых дев, приводя в пример печальную жизнь своей незамужней тетушки Амелии Джейн. Мама сравнивала ее с засушенным цветком, забытым между страницами книги. Неужели снова грянет лекция о безрадостной судьбе тетушки?

– Разве позавчера ты была не в том же платье? – между тем спросила мать.

– Да, в нем, но... – Я с улыбкой взглянула на младшую сестру, примостившуюся на банкетке. – Его выбрала Нина.

– Неприлично так скоро надевать его.

Казалось, что мама говорит сама с собой, а потому я не ответила.

Взгляд матери упал на Ангелину, ее последнего ребенка. Она поманила девочку рукой:

– Пойдем, отведу тебя в детскую.

Нина не шелохнулась, посмотрела на меня, словно я была высшим авторитетом и могла отменить приказ. Это не укрылось от матери.

– Ангелина! Я сказала, пойдем. Сейчас же!

Как бы сильно я ни сердила маму, до Ангелины мне было далеко. Она затрясла головой и плечами, а потом с вызывающим видом закачалась на табурете и заявила:

– Хочу остаться здесь с мамой!

Я сжалась, ожидая вспышки гнева, но ничего не произошло. Мать прижала пальцы к вискам, издав то ли стон, то ли вздох.

– У меня ужасный приступ мигрени, – сказала она. – Хетти, пришли Синди ко мне в комнату.

Закатив глаза, Подарочек повиновалась, и мать ушла вслед за ней под затихающий стук трости.

Я опустилась перед Ниной на колени, утопая в своей юбке, словно тычинка в громадном красном цветке.

– Сколько тебе говорить? Нельзя называть меня мамой, если мы не одни.

Подбородок Нины задрожал.

– Но ты ведь моя мама. – Она уткнулась в бархат платья и заплакала. – Да, да, да!

* * *

Верхняя гостиная в доме миссис Элстон на Кинг-стрит ярко освещалась хрустальной люстрой, полыхающей под потолком, словно миниатюрный пожар. Под ней в ритме медленной польки колыхалось людское море. Смех заглушал песни скрипок.

Моя танцевальная карта пустовала, если не считать Томаса, записавшегося на две кадрили. Год назад его допустили в адвокатуру, и он открыл адвокатскую практику с мистером Лэнгдоном Чевесом, человеком, который, как мне казалось, занял мое место, так же как я заняла место матери. Томас написал мне из Йеля, высказал сожаления о том, что посмеялся над моими амбициями в прощальный вечер, но от позиции своей не отступил. Тем не менее мы помирились, и он во многом оставался для меня полубогом. Я высматривала его в зале, зная, что он будет рядом с Салли Дрейтон, своей невестой. На помолвке отец объявил, что брак между Гримке и Дрейтонами даст начало «новой чарльстонской династии». Это задело Мэри, которая тоже была помолвлена, однако не удостоилась столь высокопарных напутствий.

Как-то мадам Руфин посоветовала мне пользоваться веером себе во благо, чтобы скрыть «тяжеловатую челюсть и румяные щеки». И вот я рассматривала окружающих поверх его фестончатого края. Я знала многих молодых женщин по занятиям у мадам Руфин, школе Святого Филипа или по предыдущему светскому сезону, но не могла похвастаться дружбой ни с одной из них. Они обращались со мной приветливо, но никогда не посвящали в секреты, не шушукались со мной. Думаю, их смущало мое заикание, а также неловкость, которую я испытывала в их присутствии. Они носили на голове новомодные тюрбаны из тяжелой парчи размером с диванную подушку, утыканные булавками, жемчужинами и маленькими палитрами с портретом нового президента, мистера Мэдисона. От такой тяжести их бедные головы покачивались из стороны в сторону. Мне казалось, у них глупый вид, но рядом с ними всегда толпились кавалеры.

Вечер за вечером я в одиночку сносила чванство этих девиц, презирав никчемность света, но все же, непонятно почему, стремясь стать одной из них.

Среди гостей сновали рабы с подносами пирожных. Также они придерживали двери, принимали у гостей пальто, помешивали угли в камине, но были словно невидимы. До чего же странно, что никто никогда о них не говорит, что слово «рабство» не принято в приличном обществе, а заменяется понятием «специфическая система».

Я резко повернулась, чтобы выйти из комнаты, и с размаха врезалась в раба, несущего хрустальный кувшин драгунского пунша. Раздался взрыв из чая, виски, рома, вишен, ломтиков апельсинов и лимонов и осколков стекла. Все это обрушилось на ковер, ливрею раба, мою юбку, а также брюки молодого человека, которого угораздило оказаться рядом.

Гости замерли в замешательстве, а молодой человек устремил на меня взгляд, и я неосознанно подняла руку к подбородку, желая прикрыться веером, но оный при столкновении уронила. Незнакомец улыбнулся мне, и зал тут же наполнился звуками, вздохами и тревожными вскриками. Меня успокоило самообладание юноши, и я улыбнулась в ответ, заметив у него на щеке крошечный кусочек апельсиновой мякоти.

Появилась миссис Элстон, в шуршащем серебристо-сером платье и с непокрытой головой, если не считать небольшой диадемы с драгоценными камнями поверх кудряшек. Она важно осведомилась, не пострадал ли кто-нибудь, жестом руки отпустила оцепеневшего раба и позвала другого – прибраться. При этом хозяйка вечера не переставала негромко посмеиваться, чтобы разрядить обстановку.

Я собралась извиниться, но молодой человек меня опередил, он громко заговорил, обращаясь к гостям:

– Прошу меня извинить. Наверное, я похож на деревенщину.

– Но это не вы... – начала я.

Он перебил меня:

– Оплошность только моя.

– Прошу вас, забудьте об этом, – произнесла миссис Элстон. – Пойдемте со мной, надо привести вас в порядок.

Проводив в свою комнату, хозяйка оставила нас на попечении горничной, которая подсушила мне платье полотенцем. Молодой человек ждал своей очереди, и я не задумываясь протянула руку и смахнула с его щеки ошметок апельсина. Это было неприкрытой дерзостью, но я подумала о том лишь немного погодя.

– Мы подмокли на пару, – сказал он. – Позвольте представиться. Берк Уильямс.

– Сара Гримке.

Единственный джентльмен, когда-либо проявивший ко мне интерес, оказался непривлекательным парнем с выпуклым лбом и карими глазами. Будучи членом Жокейского клуба, он показал мне скаковой круг в Нью-Маркете на прошлой неделе скачек, после чего проводил на трибуны для дам и оставил наблюдать за лошадьми. С тех пор я его не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.